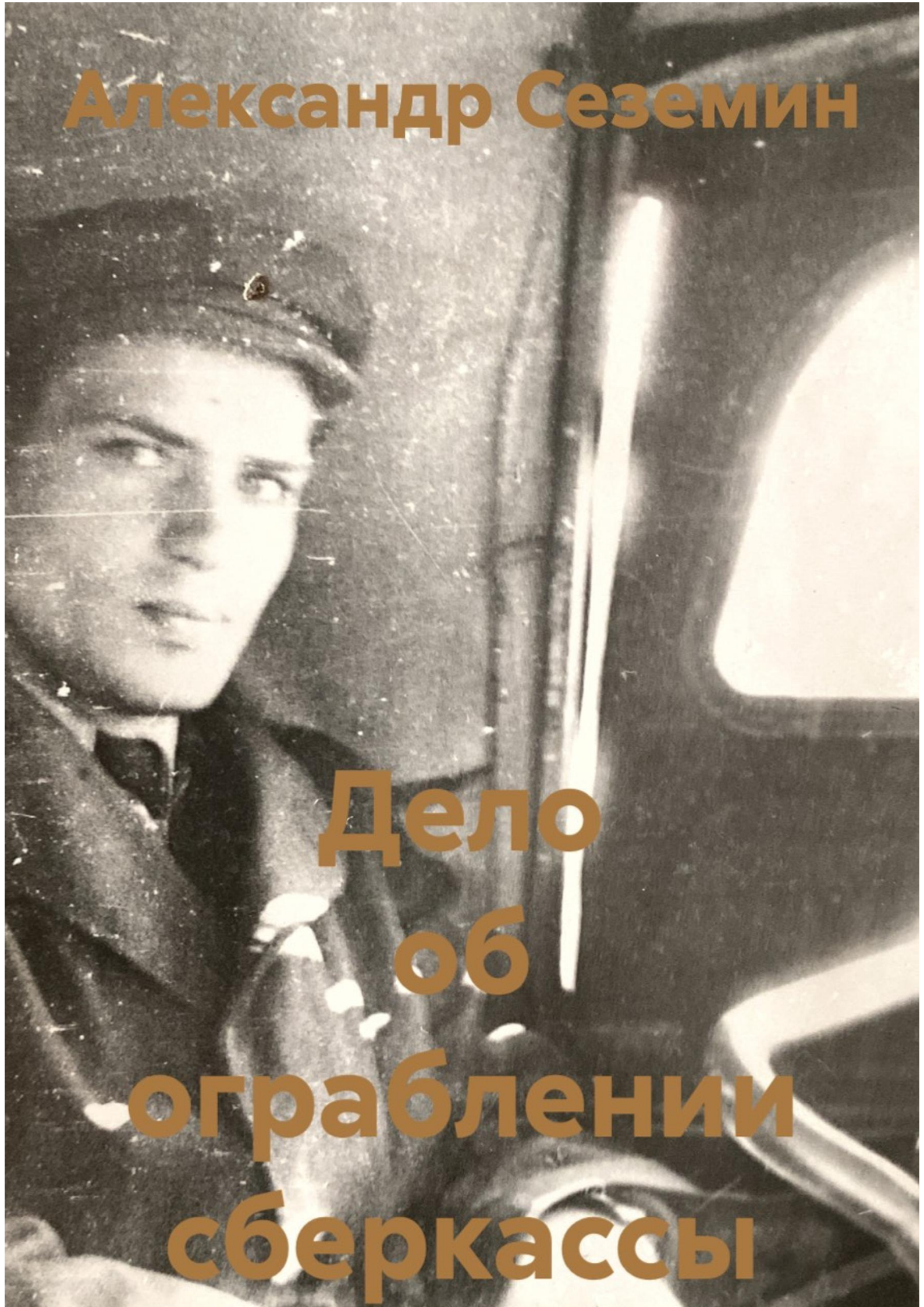

A black and white photograph of a man in a military uniform, looking out of a vehicle window. The man is wearing a dark uniform with a peaked cap and a tie. He is looking out of a window on the right side of the frame. The background is dark and indistinct.

Александр Сеземин

**Дело
об
ограблении
сберкассы**

Александр Сеземин

Дело об ограблении сберкасс

«Автор»

2026

Сеземин А.

Дело об ограблении сберкасс / А. Сеземин — «Автор», 2026

Вооруженный налет организованной группы на отделение сберкасс.

Преступление редкое и общественно опасное. Повесть о расследовании и задержании бандитов. Начальник уголовного розыска Максимов руководит расследованием и сам участвует в оперативно розыскных мероприятиях.

© Сеземин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Привет из прошлого	5
Замысел ограбления и устранение свидетеля	8
Операция, скрытая от чужих	11
Версии о подготовке преступления	15
Установление преступника и его розыск	19
Забывтое расследование	22
Выяснение отношений и первый допрос	26
Разоблачение предателя	30
Чемодан в камере хранения	33
Первые результаты в раскрытии преступления	36
Выезд оперативной группы на задание	40
По следам беглецов	43
Заблудившийся изгнанник	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Сеземин

Дело об ограблении сберкассы

Привет из прошлого

- Ну здравствуй, Сирота. - Голос прозвучал сзади неожиданно в самый неподходящий момент, когда топор не стесал кору елки, а неудачно застрял острием в стволе дерева.

- Сирый я, - отозвался бывший каторжанин и спокойно обернулся, оставив воткнувшийся топор. Напугать таежного жителя, пережившего всякое, было непросто, может и невозможно.

- А для меня ты так Сиротой и останешься. - Человек стоял за деревом метрах в десяти, осторожно выглядывая. Узнать его было трудно.

- Походу ты рамсы попутал... братишка - Каторжанин пошел на прятавшегося за деревом человека, пошел уверенно, даже нагло, и повторил. - Сирый я.

- Не подходи! - В левой руке незнакомца блеснул нож.

- Брось, - Сирый продолжал идти по снегу с прежним натиском, сбросив рукавицы и шапку. От вспотевшей коротко стриженной головы валил пар. О том, что он остановится, не могло быть и речи. - Выходи, не бойся. Не обижу.

Человек за деревом дрогнул, не смог противиться, вышел из-за дерева и бросил нож в снег. Движение руки было быстрым, на такое движение надо было бы обратить внимание, расчет был простым. Но Сирый, бывалый каторжанин, даже бровью не повел в сторону ножа, воткнувшегося в снег ручкой. Лезвие сантиметров пятнадцати торчало вверх.

- Не зря тебя Косоруким кличут, - взгляд Сирого приковал человека в лагерном бушлате к месту, тот вроде как и пошевелиться не мог. Хотя это мог быть просто обман.

- Узнал? - Косорукий стоял опустив руки, правым плечом вперед, наклонив голову. Хмурый взгляд исподлобья перебегал с места на место, человек нервничал. Но расслабленная поза скрывала сжатую пружину. В любой момент мог последовать молниеносный удар, а в руке оказаться другой нож, спрятанный в рукаве.

- Ты Гунявого дружок?

- Знал такого... Не встречал его в здешних местах?

- Искал. Только не дождался меня кореш твой... А так было о чем с ним поговорить.

- Ну, я не при делах, с Краюхой мирно жил.

- О чем базар, дело прошлое. - Примирительно ответил Сирый. - Ты откуда здесь взялся?

- Откинулся недавно, да все до дома не доберусь. - Косорукий явно врал. - Переночевать непустишь?

- Отчего, ночуй. Только справку покажи.

- А ты кто такой, чтобы документ требовать.

- Живу здесь, - Сирый кивнул назад в сторону деревни, не отводя взгляда от Косорукого.

- Слух прошел, ссучился ты? Мать сменил?

- А это ты у моей братвы спроси? - Сирый глазом не моргнул, подобрал нож, а потом достал из дерева топор. - Пошли.

- Перо отдай, - попросил Косорукий.

- У нас здесь свои законы. Шагай вперед по тропке.

Косорукий послушался, пошел вперед, но оглядывался, боялся.

"Что ему понадобилось? - Размышлял Сирый. - Случайно здесь не окажешься, тем более зимой. Кликуху мою попутал. И я плохо помню кто он такой, из братвы или работяг. Ладно, выясним."

Тропинка вывела не в само Юзино, где жил Сирий, а к бараку, построенному за околицей, в нем жили бывшие каторжане, которым после освобождения податься было некуда. О Сиром администрация лагерей знала и направляла к нему на работу бездомных бедолаг. Все было лучше, чем мыкаться где попало. Можно было опять встать на скользкую дорожку.

Набралось работяг уже человек пятьдесят. Работы хватало всем, особенно летом - заготавливали сено, выращивали картошку, лук, разводили огороды. Урожая хватало на еду и на продажу. Кроме этого было стадо коров, свиньи, птица. Рабочие получали зарплату. Дисциплина в отряде поддерживалась железной. Иначе и быть не могло.

Сирий командовал всем. Был у него и помощник по кличке Дятел, и пять бригадиров. Барак стоял за забором, ворота на ночь закрывались. Имелся строгий распорядок дня - подъем, отбой, прием пищи. Кухня была тут же. Нашелся повар, отсидевший за махинации и кражи продуктов, запомнивший наказание на всю жизнь. Теперь у него на кухне был полный порядок.

Ходили к местам работы чуть ли не строем. Деревенские такое соседство сначала восприняли в штыки. Но потом успокоились, ни одного происшествия с бывшими з/к не случилось. А помочь на огородах селянам они всегда соглашались за ту же еду.

Придя в отряд, нужно было соблюдать его законы. Кому-то строгости не нравились, они считали, что попали из одной зоны в другую. Их не держали, уйти можно было всегда. Только обратно уже не принимали. Бывали такие случаи.

Как правило из отряда уходили отработав года два, три и заработав денег. Разъезжались по окрестным деревням, даже женились, заводили свои хозяйства. Кто-то подавался и в город. С паспортом, отметкой о регистрации и трудовой книжкой, где значилась работа в сельхозпредприятии, адаптироваться к обычной жизни, устроиться на работу было проще.

У ворот в зону стоял Дятел, ждал бригады с работы.

- Принимай нового постояльца, - командовал Сирий.

- Надолго? - Дятел сомнительно посмотрел на Косорукого.

- Переночевать, - ответил тот.

- Документы?! - Потребовал Дятел.

Косорукий порылся в кармане бушлата и достал справку об освобождении, - вот.

Дятел внимательно прочитал ее, особое внимание обратил на фотографию, синюю печать.

- Долго до нас добирался, - недовольно заметил старшой и вернул справку.

- Как получилось, - пришлый пожал плечами.

- У нас тут не гостиница, - Дятел и кличку такую имел потому, что мог достать любого.

- Дежурный! - Крикнул он не оборачиваясь.

От барака прибежал бойкий мужичонка.

- Определи человека перекантоваться.

- На сколько? - Переспросил дежурный.

- Сказал перекантоваться! - Дятел привык, чтобы его понимали с полуслова.

- Понял, - тут же поправился дежурный и сказал пришлому, - пошли, шконку покажу.

- Кто он такой? - Спросил Дятел Сирого.

- Одну зону топтали, только не знаю я его, плохо помню, Косорукий и все... Темный он. И что вдруг у нас оказался? Сам знаешь, сюда просто так не дойдешь. А зимой тем более, что по тайге шататься.

- Пощупаем, - пообещал Дятел.

- Вот, его, - Сирий отдал нож.

- Не из хлебобрезки, - Дятел внимательно осмотрел клинок, провел лезвием по ногтю большого пальца. - Мастер делал.

- Есть у нас кто?

- Есть, - ответил Дятел, - Колян ручкастый. Мастеров наперечет знает. Скажет чей это мекердыч.

Сирий уже хотел идти домой, но Дятел остановил его.

- Баню будем строить?

- Будем, - ответил Сирий, - как без бани. Делянку нам выделили, я затёсы сделал. Завтра начинай.

Домой Сирий добрался, когда уже стемнело. Наста начала кормить мужа ужином.

- Ты чего такой смурной? - Спросила жена.

- Да нарисовался тут один, вроде вместе чалились. Только не помню я его, он не он, не знаю. Чего ему у нас надо? Перекантоваться попросился.

- Так не пускал бы. Пусть идет своей дорогой.

- Вроде пожалел, за тридцать сегодня. Куда ему на ночь глядя.

Ночью в окно к Сирию настойчиво постучали. Он тут же соскочил с кровати и босой подбежал к затянутому морозными узорами окну. На улице топтался давешний дежурный. Сирий сунул ноги в валенки, накинул полушубок и выбежал на крыльцо.

- Чего?!

- Ручкастого подрезали! - Сообщил запыхавшийся посыльный. - Дятел за тобой послал. Лепила нужен.

- Жди, я сейчас!

Сирий зажег лампу на столе, начал быстро одеваться, попутно уронив на пол кочергу, стоявшую у печки. Кочерга упала на лист железа, прибитый к полу под печной дверцей. Грохоту хватило, чтобы разбудить Насту.

- Ты чего? - Спросила жена спросонья.

- Ручкастого подрезали! - Ответил Сирий, уже одетый и готовый бежать. Потом он вернулся, выдвинул нижний ящик комода, достал сверток из материи и размотал его. В руку лег наган, почти забытый. Сирий начал торопливо вставлять патроны в барабан.

- Я с тобой! - Наста вскочила с кровати и быстро оделась.

- Аптечку возьми! - Крикнул муж и выбежал из дома.

Наста схватила сумку с медицинскими принадлежностями и, на ходу повязывая на голову платок, побежала следом.

Замысел ограбления и устранение свидетеля

У приоткрытых ворот на территорию, где находился барак, стояло несколько каторжан, вооруженных кто топором, кто чем. Внутри по периметру забора тоже были люди. А у входа в барак стоял хмурый Дятел.

- Ушел, гад! - Первое, что он сказал подошедшему Сирому. Старший говорил о Косоруком, вдруг пришедшем вчера.

- Ручкастый? - Первое, что спросил Сирий.

- Жив, крови много потерял... в брюхо он его.

- Машину заведем? - Сирий, пока шел от дома, уже продумал, что делать.

- Заводим, - ответил Дятел, - воду греем, за тридцатник давит.

- Запрягай двое саней, - тут же решил Сирий. - Ребят надежных подбери.

- Готовы уже, - Дятел показал на пятерых каторжан, стоящих тут же.

Сирий придирчиво посмотрел на них и кивнул, мол подойдут. Тут подбежала Наста с медицинской сумкой, а за ней ковыляла и бабка Спиридониха, фронтовая сестра милосердия. Трудная выдалась ей жизнь, длинная и не думала кончаться.

- Пошли, - Сирий направился в барак.

Никто из каторжан конечно не спал, толпились в проходе между шконок, переговаривались. Увидев Сирого, посторонились, пропуская к Ручкастому. Тот лежал на шконке поближе к печке. Лицо было бледным, обострившимся, но глаза горели злыми огоньками.

- Ну? - Строго спросил Сирий, играя желваками. Делал он так нарочно, нельзя было жалеть Ручкастого, наоборот лучше было заставить его напрячься.

- Ничего, - прошептал пересохшими губами раненый, - выберусь. Я еще... посчитаюсь. - Ручкастый хотел поднять руку, сжатую в кулак, даже приподнял, но обессилил. Рука упала. - Дурак, сам нож ему в руку дал. Пахан, никого не вини.

- Ладно, терпи, сейчас в больничку поедem, - Сирий хотел уже отойти, но раненый сделал знак, попросил наклониться.

- Дело предлагал, инструмент им нужен, шнифера ищут. - Ручкастый говорил шепотом, силы его были на исходе.

- А, ты? - Спросил Сирий.

- Завязал я, слышишь, завязал... а перо то Жужича, - раненый через силу улыбнулся.

- Все, хватит! - К раненому через завешанный стиранными портками и рубашами проход пробралась Наста.

- Воду догадались нагреть? - Спросила бабка Спиридониха.

- На печке, - ответил кто-то из каторжан. - Нести?

- Давай. - Здесь главной становилась Спиридониха, через ее руки прошла не одна сотня раненых.

Сирий вышел из барака, здесь уже распоряжался Дятел. Ворота открыли, одни сани подогнали прямо к выходу из барака. Лошадь стояла заиндевелая, похрапывала и от нетерпения перебирала копытами. Было холодно.

- Как было?! - Спросил Дятла Сирий.

- Обшмонали мы пришлого, не было у него ничего. Шконку определили рядом с вертухаем.

Сирий удивленно посмотрел на Дятла.

- Есть тут у нас один, да ты его видел... а погоняло, - Дятел засмеялся, но тут же посерьёзnel, - кто-то пошутил, вот и привязалось...

- Ну? - Перебил Сирий.

- Пургу гнал этот пришлый, не раскололся, по сторонам глазами шарил. Увидел Ручкастого, позвал, вроде вместе чалились, чуть ли не братаны. Ну, вертухай и отвалил. Думал пусть вдвоем побазарят.

- Ручкастый почему в барак с пером пошел? - Сирий помрачнел. Было нарушено одно из правил, установленных им самим.

- Виноват! - Дятел только развел руками. - Не мог он перо здесь посмотреть, стемнело уже...

- А потом?

- Ручкастый притих... ну уснул и уснул... - Дятел не оправдывался, рассказывал как было.

- А этот по малой нужде выскочил... ну и все... Что хочешь со мной делай!

- Не пались! - Остановил Сирий. - За старшего остаешься.

- Сам повезешь?

- Сам, нам лишние предьявы не нужны. Так?

- Так оно конечно. А в больничке как?

- По пути в Ражино заедем. Там фельдшером Маруська, может и заштопает как надо. В Юзью не хочу совался, там быстро лапы сплетут. В общем спрятать надо Ручкастого от чужих, да и от своих глаз. Понял?

- А спрашивать местные начнут, что за шухер ночью был?

- Скажешь аппендицит у вертухая, скрутило братана. Чтоб не показывался нигде. Понял?

- А про Ручкастого?

- Пропал и нет его, ушел. Не тюрьма у нас. Это если интересоваться кто будет.

- Могут проверить, Косорукий может кого попросить.

- Вот и хорошо, если узнают, что пропал, поймут, что кердыкнулся Ручкастый.

- Головастый ты Сирий. А если из наших кто сболтнет?

- Твоя забота... понял?!

- Можно ехать, - Из барака первой вышла Наста.

- Как он? - Спросил Сирий.

- Спиридониha расскажет.

Ручкастого осторожно вынесли на руках и положили на солому, сверху укрыли тулупом. Раненый лежал тихо, закрыв глаза.

- Доедет, ничего не думай, доедет, - Объявила Спиридониha. - Я вот тут Маруське записочку написала, что да как.

- Молчок, поняла? - Строго предупредил Сирий.

- А что было-то? Ничего и не было. - Спиридониha засмеялась.

- Дятел, своих через полчаса отправляй. - Скомандовал Сирий. - За дровами на дальнюю делянку.

- Сделаю, - ответил Дятел.

- Сереж, ты надолго там, - Наста подошла к мужу.

- Как получится.

- Боюсь я что-то, - Наста уткнулась лицом в полушубок Сирому.

- Ну вот, чего ты. Жди! - Сирий подобрал вожжи и дернул, - но, пошла!. Лошадь застыла и с трудом тронула сани. Полозя сдернулись с места и закрипели по снегу.

Выехав за околицу, Сирий сбавил ход, спрыгнул с саней и пошел рядом. Надо было дожидаться братву на вторых санях. Рисковать не стоило.

- Тебя как звать-то? - Спросил Сирий.

- Ручкастый, - ответил раненый.

- Имя как? - Сирий усмехнулся.

- Колян, - ответил лежащий на санях.

- Колян, - Сирий тяжело вздохнул, - Николай значит?

- Ну.
 - Держись, Коля! Довезу я тебя в больничку в лучшем виде.
 - А ты почему сам меня повез? - вдруг спросил Коля.
 - А тебе и невдомек?
 - Нет.
 - На нет и ответ нет. Как поймешь, Коля, так сам и скажешь мне. Понял?
 - Нет.
 - Ну, вот ты какой непонятливый... А скажи-ка ты мне Коля, почему Косорукий к тебе пришел?
 - Так на дело звал.
 - А что, больше некого? До тебя путь не близкий был.
 - Выходит, что больше некого.
 - Это почему так?
 - А где сейчас настоящего шнифера найдешь? Не осталось никого. Да и отмирает эта специальность. Проще сварочник, да болгарка.
 - А не говорил Косорукий, где они сейф собираются взять?
 - Кто же скажет. Меня и так хотел порешить... не ожидал, что откажусь. Но бабла им много надо.
 - Сколько же?
 - Говорил, что и внукам останется.
 - Ну, ну - Сирый засмеялся и обернулся. - А вот и наши.
- Сзади догоняли вторые сани. Только Сирый на всякий случай переложил наган из кармана за пазуху. Так, на всякий случай.

Операция, скрытая от чужих

Ехали всю ночь. Большую часть пути Сирый шел рядом с санями, на которых вез раненого, и разговаривал с ним, не давал заснуть и все подбадривал, - держись, Колян, держись, до свадьбы заживет! Не женат?

- Нет еще. - Слабым голосом ответил Ручкастый.

- Вот видишь, сколько у тебя еще впереди, женишься, ребяташки пойдут. Так?

- Так, - Коля отвечал односложно, говорить было трудно, рана болела, но все равно отвечал, понимал, засыпать нельзя.

И тут на вторых санях, где ехала для охраны братва, кто-то затянул песню.

По диким степям Забайкалья.

Где золото роют в горах,

Бродяга, судьбу проклиная,

Тащился с сумой на плечах...

Голос был тихий, душевный и прошибал слезу. Песню подхватили и остальные, и даже Колян старался подтягивать слабым голосом. Песня добавляла сил.

- Наша песня, про каторжан, - заметил Сирый и наклонился к раненому.

Колян улыбался, смотрел в звездное небо ясными глазами, слезы катились у него по щекам.

- Ты чего? - Испугался Сирый.

- Это я так, жизнь свою вспомнил... дурак был...

- Ничего, теперь направится, - ободряюще заметил Сирый. - Сейчас заштопают тебя, лучше нового будешь. Маруська в этих делах толк знает.

- Маруська? - Переспросил Колян.

- Она. Огонь баба!

- Зубы рвет, только так. Даже крикнуть не успеешь! Участковый у нас был, Максимов, ногу сломал. Так она ему и гипс наложила, врачаха ей только помогала. Дело одно мы тут с ним раскручивали. Он на костылях по тайге прыгал. Я за ним еле поспевал. - Тут Сирый конечно привирал. Но надо же было отвлечь раненого. - А тебе и того проще, не робей!

Когда уже начало светать, правда очень незаметно - снег начал синеть, потянуло дымком, но деревни еще не было видно.

- Ну вот и Ражино, - Сирый остановил лошадь, - добрались. - Эй! - Негромко крикнул он в сторону вторых саней и махнул рукой.

Вторые сани подъехали ближе и тоже остановились. С них спрыгнул детина выше Сирого и чуть ли раза не в полтора шире в плечах.

- Значит так, в деревню сразу не поедем...

- Что бы шухеру не наводить, - понял детина.

- Видишь, просека? - Сирый указал на заснеженный узкий проезд в сторону.

- Понял, там сховаемся, - детина взял у Сирого вожжи и махнул своим. Дисциплина у братвы была железная.

- Коляна осторожно, сани не переверните. - Предупредил Сирый. - А я пока в деревню схожу. Фельдшерица наверное еще дома.

Детина взял лошадь под уздцы, остальные подхватили сани и осторожно затащили их на просеку, где спрятали за елками. Туда же завели и вторые сани. А потом еще и запорошили съезд.

Сирый тоже не пошел основной улицей, в которую переходил тракт, а пробрался к дому Маруськи по переулку, где никто не ходил, тропка была замечена. Перелез через ограду и ого-

родом, где снегу намело по пояс, пролез к дому фельдшерицы. Ее следов на улицу еще не было, значит не успела уйти на работу.

- Марусь, ты дома? - Сирый постучал в заиндевевшее окно.
- Кто там? - раздалось в ответ.
- Сирый.
- С какого перепугу ты тут взялся?
- Дело есть.
- Заходи, открою.

Сирый поднялся на крыльцо, обмел валенки веником и приготовился зайти в сени. Дверь чуть приоткрылась и в щелку выглянула Маруся в накинутах на плечи полушубке, из под которого торчала рубаха.

- Чего надо? - Шепотом спросила фельдшерица.
 - А ты что, на работу не идешь? - Тоже шепотом спросил Сирый.
 - Тебе какое дело?
 - Так и будем разговаривать? В сени хоть пусти!
- Маруся нехотя открыла дверь, и Сирый зашел.
- Говори быстрее, холодно! - Фельдшерица приплясывала в валенках на босу ногу.
 - Так в дом...
 - Тсс! - Маруся приставила палец к губам и обернулась к двери в дом.
 - Ты же вроде как одна жила? - Сирый чуть не засмеялся и закрыл рот рукавицей.
 - Одна не одна... Тебе какое дело?
 - Раненый у меня.
 - Так вези в амбулаторию, сейчас прибегу.
 - Нельзя его туда, сама понимаешь, староста прознает, в милицию сообщит.
 - Что с ним?
 - Ножом зацепили, вот. - Сирый достал записку от Спиридоники.

Маруся все же одела как следует полушубок, накинула на голову шаль и подставила бумажку под свет тусклой лампочки. Читала внимательно и хмурилась.

- Он что, живой?
- Живой, - Сирый пожал плечами.
- Не могу я так, в милицию надо позвонить. Случилось-то что у вас?
- Случилось! Твое дело лечить. А Максиму сам позвоню!
- Вот пусть мне сам Максимов и скажет.
- Скажет. Лечить-то будешь?!
- По хорошему его в больницу надо, в Юзьеву.
- Нельзя его туда, понимаешь?
- Не понимаю... Ладно, вези в амбулаторию...
- Так...
- Не так. Сзади еще один вагончик поставили, в него только я хожу. В него вези. Ключи сейчас дам.

Маруся зашла в дом.

- Кто там? - Спросил мужской голос.
- Спи еще, больного привезли. Я сейчас сбегать быстро, а ты меня дождись... Слышишь?
- Быстрее только.

Маруся выглянула из двери и протянула ключи Сирому.

- Ты на санях?
- Ну.
- Амбулаторию справа объедешь, там дворик маленький, и вагончик стоит, склад там у меня. Да, печку затопи.

- Ладно.

Сирий вернулся обратно к братве.

- Как он?

- Ничего, дышит, - ответил здоровяк.

- Давайте-ка его прикроем сверху.

- В наших санях рогожа есть.

- Держись, к доктору едем. - Сказал Коляну Сирий.

Колян слабо улыбнулся, и его накрыли рогожей, а сверху еще завалили соломой из вторых саней.

- Нам-то что? - Спросил здоровяк.

- Ждите пока, - ответил Сирий.

- Похавать бы.

- В деревню не ходите, принесу.

Сирий проехал по деревне незамеченным. Утро было раннее, еще не расцвело. А за амбулаторией, куда никто не ходил, лошадь с санями не было видно. Вагончик, или балок, сделанный из бруса, стоял на санях, сваренных из труб. Его притащили сюда трактором. Балок был теплым, оборудован печкой, в нем был отсек для жилья с нарами, столом. Во второй части устроили склад, где Маруся хранила инструменты и препараты.

В балке казалось холоднее чем на улице. Поэтому Сирий сначала затопил печку, и когда температура начала повышаться перенес внутрь Коляна. Скоро прибежала и Маруся. Глаза ее горели, видимо гость шел фельдшерице на пользу.

- У меня сегодня приема нет, - успокоила она Сирого. - Так что в амбулаторию никто не придет. Я хотела заявку на медикаменты готовить... Аты пока с колодца воды натаскай и за печкой следи. И давай-ка мы твоего... Как звать-то тебя?

- Коля.

- Положим твоего Колю вот на этот стол.

Маруся с Колей провозилась долго. Сирий был тут же, помогал чем мог. И помог самым главным, своей кровью, которая оказалось той же группы, что и у Коляна. Бывают в жизни совпадения, а может это и не совпадения вовсе. Может судьба подстраивает в жизни всякие такие случаи, которые вовсе и не случаи?

- Ну, Колян, братья мы теперь! - Когда все закончилось, объявил Сирий.

- И правда, что, - прошептал пересохшими и потрескавшимися губами Колян. - Спасибо тебе, братан.

- Куда мне его? - Спросил Сирий Марусю.

- Ко мне отвезем, - неожиданно предложила Маруся.

- У тебя же там...

- Никто он мне... да наверное и не дождался. Я сейчас домой схожу, узнаю. А как стемнеет, мы Колю ко мне привезём.

- Понравился? - Решил пошутить Сирий.

- Может и понравился, - Маруся поправила волосы Коле и поцеловала больного в лоб.

Коля в ответ тоже улыбнулся.

А Сирий только покачал головой и пожал плечами, - "Бывает же так!" Еще одна случайность произошла.

К братве Сирий вернулся только вечером. Те сидели у костра голодные, но недовольства не проявили. К тому же Сирий принес им еды. Маруся дала сала, хлеба, вареной картошки и пару луковиц. А еще поллитровку самогона. Вообще у Сирого в артели был сухой закон. Но ради такого случая пятьсот граммов на шестерых были больше символическими. Выпили за Коляна, и Сирий рассказал как он и что.

Братва тут же поехала к себе в лагерь, а Сирый остался в Ражино у старосты Инютина. Завтра надо было позвонить Максиму и все рассказать. Инютин был человеком бывалым, Максимова знал хорошо еще по прежним делам и лишних вопросов задавать Сирому не стал.

Версии о подготовке преступления

- Сирый, ты что ли? - Иван Петрович Инютин, деревенские называли его старостой, сидел на лавке у печки и грел поясницу. Сидел не просто так, подшивал прохудившийся валенок, нацелив на нос очки, дужки которых были примотаны синей изолентой.

- Я, Иван Петрович. Что, изменился?

- Да как тебе сказать. - Инютин отвлекся от валенка и внимательно присмотрелся к вошедшему. - Редко бываешь, вот и забывать стал, какой ты есть.

- А Клавдия что, не дома? - Сирый оглянулся, в избе было тихо. Посуда на кухне, как бывало раньше, не гремела, да и не пахло чем-нибудь вкусным.

- Нет. - Иван Петрович тяжело вздохнул и пояснил. - Уже год как один. - Повернулся к углу, где под иконками тлела лампадка и перекрестился сидя, не выпуская из левой руки валенка. - Царство ей небесное.

- Не знал, прости. - Сирый снял шапку и тоже перекрестился, больше из уважения к Инютину.

- Не стоит. - Староста отложил валенок и кряхтя поднялся. - Жизнь вон она какая нынче, не спрашивает... Ну ладно, с чем пришел?

- Позвонить мне надо. Телефон работает? - Сирый в нерешительности переминался у порога, почувствовал себя неудобно, сам не зная почему.

- Работает, что с ним будет. Митяй у нас теперь всем заправляет, у него от конторы ключи... Что топчешься, раздевайся, заходи. Есть хочешь?

- Не откажусь. Вот только без гостинцев я.

- Видать случилось что? Раз приехал.

- Как сказать... - Врать Инютину было бесполезно. - Максимову хотел позвонить.

- Значит случилось. А нашим в Юзьеву?

- Да я...

- Не надо, не говори... Дров лучше принеси. Помнишь, где дрова-то.

- Найду. Лошадь бы еще пристроить.

- Конюшня пустая, не держу никого. Зачем мне одному. - Инютин все никак не мог привыкнуть к одинокой жизни. - А сено осталось.

Сирый вышел во двор, он был занесен снегом, к дому вела узкая тропинка с улицы. "Да, вот ведь как бывает. А каким раньше был староста."

Сани Сирый оставил на улице, распряг лошадь и провел ее в пустую рубленую конюшню, раскидав фанерной лопатой снег. Потом залез на сеновал, сбросил сена. Под навесом набрал охапку поленьев и вернулся в дом.

- С едой-то у меня не очень, угощать особо нечем, но голодать не будем. В яму слазь, там еще старых запасов хватает. - Инютин опять тяжело вздохнул. - Жена на эти дела была мастерица.

На следующий день попасть в контору получилось как нельзя лучше. Инютин с утра в конторе никого не нашел, сходил к Митяю и застал того дома.

- Привет, Петрович! - Митяй куда-то собирался.

- Не в контору? - Спросил Инютин.

- Нет, сети идем проверять. - Митяй надевал на валенки резиновые бахилы ОЗК. - Пошли с нами.

- Эх, с удовольствием бы, да спину боюсь сорвать.

- В сторонке постоишь.

- Не устою, помогать начну.

- Это точно. Знаю тебя, Петрович.

- Сыну хотел позвонить.

- Он у тебя в Юзьве?

- Нет, в область с семьей перебрался. Совсем меня забыли. Поговорить хочу, может придут, да внуков на каникулы привезут.

- Поговори, поговори. - Митяй закончил с бахилами, одел полушубок. - Держи. - И снял ключ от конторы с гвоздика у двери. - Печку будешь топить?

- А надо?

- Как хочешь. Ключ у себя оставь. С рыбалки вернемся, зайду, рыбки тебе занесу.

- Вот спасибо.

Контора так и осталась прежней, ничего в ней не изменилось за прошедшие годы. Даже телефон на стене остался прежним с перекрученным шнуром. Как только работал. Внутри было холодно, даже казалось, что холоднее, чем на улице.

- Может затопим? - Предложил Сирий.

- Дым увидят, обязательно кто-нибудь притащится. - Ответил Инютин. - Лучше так. Звони, я на улице за углом постою, на шухере, покурю.

До Максимова Сирий дозванивался долго, хорошо, что у него был его номер телефона. Только по нему ответила секретарша, и никак не могла понять, кто звонит, откуда, слышно было плохо.

- Из Ражино, Сергей Иванов, внештатник! - Кричал Сирий в трубку так, что на улице мог начать собираться народ.

- Он у генерала, переключу на его зама, - пыталась объяснить секретарша.

- Он срочно нужен! - Продолжал Сирий.

- Тогда звоните через два часа, когда совещание закончится.

- Поздно будет! - Сирий начал придумывать находку. - Вызывайте!

- Не ложите трубку. - Секретарша нажала кнопку приемной генерала. - Марина, из области звонят, из какой-то деревни, не разобрала. Максимов срочно нужен, случилось что-то.

- Попробую, - ответила секретарь генерала и нажала кнопку на пульте. Вызов шел, кнопка мигала, но ответа не было. - Нет, не берет.

- Что делать-то будем?

- Переключи на его зама.

- Предлагала, говорит нет. Только Максимов нужен. Как бы нам с тобой потом не нагорело.

- Хорошо, зайду. Записку напишу, что Максимов срочно нужен.

- Если выйдет, пусть бегом бежим. Связь плохая.

- Ждите, - сказала секретарь Максимова, в трубку, - должен прийти. Откуда вы звоните?

- Ра-жи-но! - По слогам повторил Сирий.

- Марина, из Ражино звонят.

- Пишу. Никогда такого названия не слышала.

Марина написала на листе: Звонят из области, из Ражино. Срочно нужен Максимов!

Секретарь открыла первую дверь, зашла в тамбур и, чуть приоткрыв вторую дверь, заглянула в кабинет. Генерал проводил совещание за отдельным длинным столом, сидело человек семь. Он отвлекся, вопросительно посмотрел на заглянувшую секретаршу и понял, вопрос не терпит ожидания. Марина прошла к генералу и положила перед ним записку. Генерал прочитал ее и покачал головой.

- Вот тут сидим мы, совещаемся, часами можем говорить... И что? - Генерал передал записку Максимова. - Петр Сергеевич, любимый край тебя вызывает. Как всегда срочно. Иди, не теряй время. Потом зайдешь, доложишь, что там случилось.

Максимов собрал свои бумаги в папку, не забыл и записку и с радостью побежал к себе. Ох и не любил он эти совещания.

- Начальник! Привет! - Максимов услышал голос, который узнал даже сквозь треск помех.

- Сирий, ты?! - Полковник удивился. Был он к этому времени уже начальником уголовного розыска областного управления.

- Артельщика у меня подкололи, - тут же без перехода начала Сирий и сделал пузу.

- Жив? Говори! - Максимов подвинул к себе блокнот и взял карандаш, сразу понял, Сирий не будет звонить по мелочам. - Кто?

- Парень жив, у Маруськи спрятал, заштопала его как надо. А тот Косоруким, назвался. Был у нас такой в зоне, только я не понял - он, не он. С Гунявым они хороводились.

- С тем Гунявым?

- Ну, да. Которого мы с тобой в пещере нашли.

- Так.

- Вчера из тайги вышел. Справка об освобождении есть. Но фотографии сам знаешь какие. Не поймешь.

- А в справке кто значится?

- Елохин Олег Владимирович.

- А что за кличка, Косорукий?

- Да все у него из рук валилось, ничего толком сделать не мог. Его и Косой звали, кто как.

- Артельщик твой кто?

- Бурдяев Николай Семенович, кличка Ручкастый.

- Этот наоборот?

- Точно, по сейфам специалист. Косой на дело его звал, на крупное.

- Отказался?

- Отказался, завязал парень.

- Молодец. А что за дело?

- Косой сказал, что много денег, очень много, внукам хватит.

- Где же они столько взять хотят?

- Не сказал. А раз Ручкастый отказался, то и порешить его хотел. Да, перо у Косого знатное. Ручкастый мастера назвал - Жужич.

- Не местный, не слышал такого.

- Приедешь?

- Не смогу, сам понимаешь. Я теперь заметный, испорчу все.

- Забурел? - Усмехнулся Сирий.

- Что я тебе скажу...

- Ничего не говори...

- Я к тебе парнишку пошлю.

- Шустрый?

- И смысленый. В Юзино его жди.

- Его же здесь сразу расколют.

- Этого не расколют. В общем на днях жди.

- Озадачил ты меня.

- Как без этого. Осторожней там!

- Бывай!

На этом разговор закончился. Максимов взял чистый лист бумаги и перенес на него свои записи, сделанные в блокноте во время разговора. Теперь можно было идти к генералу докладывать.

- Марина, у генерала закончилось, - спросил Максимов у секретаря.

- Закончилось, Петр Сергеевич. Уже спрашивал вас.

- Иду.

Генерал внимательно читал принесенную Максимовым информацию, а полковник дополнительно рассказывал подробности.

- Похоже кто-то новую банду собирает, - предположил генерал.
- И потрошить собираются не граждан, - добавил Максимов.
- Не тот ли это... Как его звали?
- Крест.
- Что о нем известно?
- Почти ничего. Нет такого среди блатных. ИЦ конечно запросим.
- А что значит почти ничего?
- Тогда у нас все материалы забрали... Можно в той конторе что-то выяснить?
- Подумаю. Они тогда из-за радиостанции зацепились. Пока торопиться не будем... Жаль,

тебя не пошлешь.

Максимов только пожал плечами и вздохнул, а потом добавил. - Есть у меня человек.

- Кто такой?
- Рано говорить.
- Даже мне? - Усмехнулся генерал.
- Могут же у меня и от начальства быть тайны. - Максимов мог так позволить себе пошутить.

- Ну, давай. - Согласился генерал. - Только не затягивай.

Прошло несколько дней. Сирий уже вернулся домой, и жизнь вроде как вошла в прежнюю колею, не такую ровную, но вполне проезжую. Артельщики строили себе баню. А Ручкастый под теплым боком Маруси постепенно выздоравливал. Какое уж там фельдшерица принимала лечение, пусть останется тайной. Ее прежний ухажер несколько раз постучался вечером, но получил от ворот поворот.

- Ваня?! - Наста на стук открыла дверь и увидела на крыльце сына. - Ты как здесь? - Мать обрадовалась и нет. Не мог он оказаться дома вот так неожиданно. А Иван еще и приехал не в курсантской милицейской форме, а в гражданском.

- Выгнали?! - Предположил Сирий.

Нет, вас проведать отпустили... отправили.

Установление преступника и его розыск

- Петр Сергеевич, вам чай сделать? - К Максимову заглянула секретарь.

- Не откажусь. У нас лимон еще есть? - Полковник повернулся от окна, у которого стоял и смотрел на вечерний город. Ехали машины, спешили домой после работы люди, в свете уличных фонарей пролетал редкий снег.

- Остался. Сахара как всегда три кусочка.

- Как всегда.

Максимов прошелся по кабинету начальника уголовного розыска, в который переехал совсем недавно. Багина отправили на пенсию, назначили Максимова. Переехать из старого замовского кабинета было несложно - всего-то перейти через приемную. Даже переносить никаких вещей не потребовалось. Максимов ничего не держал на работе, как некоторые, был аскетичен.

Наследие Багина наоборот вывозили долго. Много чего накопилось за долгую службу. И вот Максимов мерил шагами ковровую дорожку от двери до своего рабочего стола. По пути поправил стулья у отдельного длинного стола для совещаний. Кабинет был пустым и неуютным, не мог его еще обжить и приспособить под себя новый начальник. Он бы и дальше оставался в своем маленьком кабинете. Но нет, статус уже был другим. Да и в прежнем кабинете, пока пустовавшем, не могли поместиться начальники отделов УР, собиравшихся на оперативку.

Секретарь принесла стакан чая в подстаканнике. В нем плавал лимон, поднимался пар.

- Мне можно уходить? - Спросила секретарь.

- Да, пожалуйста. - Ответил Максимов. - Спасибо за чай. Я из архива жду документы.

- Обещали принести, напоминала им.

- Я с утра в прокуратуре, не теряйте меня.

- У меня записано, Петр Сергеевич. До свидания.

- Всего хорошего.

"Вымуштровал ее Багин. - Подумал Максимов. - А может и хорошо."

- К вам в кабинет дверь закрыть?

- Нет, пусть будет открытой.

На столе зазвенел городской телефон.

- Да. - Максимов снял трубку.

- Ты сегодня долго? - Звонила жена, Дарья Ивановна.

- Постараюсь побыстрее.

- Не задерживайся пожалуйста, мы тебя ждем.

- Постараюсь. - Максимов и правда хотел бы побыстрее уехать домой. Только это получалось далеко не каждый день.

- Разрешите? - Из коридора в приемную хлопнула входная дверь, и в кабинет заглянула сотрудница архива.

- Заходите, садитесь. - Максимов сел за свой рабочий стол, а сотрудница устроилась за маленьким приставным столиком и протянула Максимову папку с принесенными документами.

Полковник быстро пролистал материалы, задал несколько уточняющих вопросов, остался доволен и отпустил лейтенанта. Женщина в форме всегда вызывала у Максимова неподдельное уважение.

Оставшись один, полковник начал изучать документы. Оказалось, что Косорукий и Ручкастый были осуждены в других местах, а в Уральском регионе только отбывали наказание.

Краткие справки по их уголовным делам архив получил, и теперь можно было составить представление об этих людях

Максимов начал с Ручкастого и прочитал справку несколько раз. Бурдяев, Ручкастый, был осужден по ч.3 ст. 144 УК РСФСР на 6 лет. Кража была совершена организованной группой лиц. По делу вместе с Бурдяевым проходили еще трое, получившие по десятке, как говорится на полную катушку. Из здания заводоуправления был похищен сейф с крупной суммой денег.

"Получается, они сейф вывезли с завода?" - Понял Максимов. Далее из справки следовало, что Ручкастый непосредственно в краже не участвовал, а только вскрыл сейф. "Да, и получил за это шесть лет. Не повезло парню. Хотя... кто его знает." - Полковник покачал головой. Жалко ему было таких людей.

Когда Максимов начал читать справку о Елохине, Косоруком, то удивился еще больше. Косой участвовал в подобном преступлении, только совсем в другой области. Его роль заключалась в том, чтобы увезти двух подельников с места кражи. Была обворована касса предприятия, где и сейфа не было, а только что привезенная зарплата хранилась в металлическом ящике, который легко взломали. Действовала тоже преступная группа. Двое, взломавшие кассу, получили по восемь лет. А Елохин, ожидавший их у предприятия, четыре года.

Сотрудники архива выполнили и еще одну просьбу Максимова. Подготовили справки о похожих делах за тот период и фотографии фигурантов.

Если по делу, в котором участвовал Бурдяев, вопросов по фотографиям не возникало. То фотография Елохина походила еще на одну, где был сфотографирован некто Сычев Роман Сергеевич, по кличке Сыч. Этот Сыч проходил как организатор кражи денег из цирка одного из крупных областных центров.

"Вот тебе и цирк настоящий получается. - подумал Максимов. - Пора мне Ваньку к родителям на побывку отправлять. Только как бы он там лишнего не натворил. К тому же и Сирый может загореться, да и его артельщики. Ивану надо четко дать задание. Чтобы только от и до. Да и Сирого предупредить. Напишу-ка я ему письмо и передам вместе с Иваном."

Максимов еще раз перебрал принесенные из архива бумаги, нет, просмотрел он их все: "Жужич, Жужич, не имеется на него ничего. Загадочный мастер. Надо бы Ручкастого расспросить."

Родители конечно очень обрадовались приезду сына. Мать не знала чем и угостить дорогого гостя. Все хлопотала на кухне. А Сирый расспрашивал про учебу, про жизнь в большом городе. И ждал, когда Иван сам скажет зачем приехал. Понимал, что не просто так приехал парень, Максимов послал.

Иван был важным, выдерживал паузу и все думал, как начать разговор.

- Максимова видел? - Сирый начал сам.

- Видел, через начальника школы меня вызвал...

- Ох и спасибо ему! - Прокричала Наста с кухни. - Пристроил сына к правильному делу.

- Письмо вот тебе передал, - Иван приехал с портфелем, достал из него картонную папку с тесемочками и открыл ее.

- На словах что велел сказать? - Поинтересовался Сирый. - Письмо потом.

- Вот, что велел. - Иван старался делать все правильно, как ему велел полковник. - Смотри. - Достал из папки две фотографии и положил перед отцом. - Кто у вас тут был?

Сирый несколько секунд разглядывал фотографии и показал пальцем на ту, что лежала справа, - Вот этот! - А потом внимательно рассмотрел левую фотографию Елохина. - Так вот же он, Косорукий. С ним я чалился. Постой, а кто же тогда тот?

- Сычев Роман Сергеевич, кличка Сыч. Он похож на Косорукого.

- И точно! - Сирый взял обе фотографии и, подставив к свету, еще раз внимательно сравнил их. - Похожи! Но Сыча я не знаю...

- А он и не сидел здесь, пришлый...
 - Выходит он за Ручкастым приезжал и ему дело предлагал?
 - Выходит так, - Иван был доволен выполнением задания.
 - А этот, Сыч, чем прославился?
 - Цирк обнесли, выручку за несколько представлений сняли. Сыч и был там главным?
 - Новую банду собирает, - предположил Сирий.
 - Ручкастый по сейфам специалист, - продолжил Иван, - а Косорукий подельников с деньгами с места преступления увозил.
 - Постой! Как же справка Косорукого у Сыча оказалась? - Сирий почувствовал неладное.
 - Схлестнулись где-то, - предположил Иван. - Может Косорукий здесь и жил, не стал далеко уезжать.
 - Может быть, - Сирий задумался и застучал пальцами по столу. Это был нехороший признак.
 - Фотографии надо еще Ручкастому показать, - напомнил Иван.
 - Зачем? - Удивился Сирий. - Я же узнал Сыча.
 - Максимов так сказал. - Аргумент у Ивана был сильный.
 - Завтра съездим, - пообещал Сирий.
 - Только надо придумать, зачем мне туда надо.
 - Это тоже Максимов сказал?
 - Нет, я сам... ты письмо прочитай.
- Сирий прочитал записку от Максимова и нахмурился.

Забывтое расследование

Ну вот что он мне написал! - Сирый прочитал письмо Максимова, вскочил из-за стола и заходил по дому, ударяя кулаком правой руки в ладонь левой.

- Я посмотрю? - Иван, сын Сирого, показал на письмо.

- Читай, читай, - Сирый немного успокоился и вернулся за стол.

- А что? Он все правильно написал. - Иван пожал плечами. - Не надо в это дело лезть, только испортить можно.

- Да я понимаю. Но Косорукого-то можно было поискать. А Сыч вряд ли здесь остался, он тут уже наследил. К тому же если он готовит крупное дело, то наверняка в область подался.

- Может вообще не в нашей области, - предположил Иван.

- Может и так. Но раз он братву здесь собирает, то и дело здесь... - Сирый задумался, а потом спросил? - В Ражино завтра поедем?

- Давай, я один съезжу, - неожиданно предложил Иван.

- Один? - Удивился отец.

- Поеду Ленку навестить. - Иван усмехнулся.

- Ленку? Это кто такая? Мать, слышишь? - Сирый опять забарабанил пальцами по столу, потом вскочил и заглянул на кухню.

- А что, хорошая девочка, - Наста отвлеклась от мытья посуды. - В интернате вместе учились. Так, Ваня?

- Так, так, - ответил сын. Не очень он хотел обсуждать свои сердечные дела.

- А ты отец, не лезь. Сам разберется. - Наста приструнила мужа.

- К фельдшернице заодно зайду, привет от Максимова передам и Ручкастого опрошу. Одному мне проще будет. - Иван завязал тесемки картонной папки и убрал ее в портфель.

- Умные все какие, - Сирый имел ввиду жену и сына, - опрошу, слов-то каких набрался. Слышала, мать?

- Слышала, не напрасно учится, в люди выйдет. Молодец сынок! - Тут же подхватила Наста.

- Молодец конечно! - Согласился Сирый. - Только мне-то что делать?

Его вопрос остался без ответа. Семья начала укладываться спать.

- Верхом поедешь? - Спросил отец Ивана.

- Конечно, зачем мне на санях. Так быстрее будет.

- Ладно, утром подберу тебе конягу.

На следующий день Сирый встал пораньше, затемно, сходил на конюшню и оседлал Султана, статного коня вороной масти. Когда вернулся домой, Ваня уже был готов ехать, собрался. А Наста собрала ему в дорогу тормозок.

- Знатный конь! - Отметил Иван, выйдя во двор.

- Султан. - Сирый держал коня под уздцы и поглаживал его по шее.

- Султан?! - Обрадовался Иван. - Как у Максимова был!

- Точно, - ответил отец. - Так и называл его. Построже с ним, норовистый.

Конь похрапывал, от нетерпения перебирал копытами и подозрительно косился на Ивана. Тот подошел уверенно, взял у отца повод и по хозяйски похлопал коня по вороному боку.

- Ничего, подружимся, так Султан?

Конь мотнул головой, в ответ или нет, кто его знает.

Иван закинул за плечи рюкзак, в него вошел и портфель. Какой мог быть портфель в глухомани, лучше его было спрятать. В седло вскочил привычно, сказывалась деревенская закалка.

- Стремена нормально? - спросил отец.

- В самый раз, - ответил Иван, - тронул Султана ногами и выехал со двора.

- Когда вернешься, сынок? - Спросила Наста.

- Как пойдет! - Ответил Иван и за воротами прищипорил коня. Тот сорвался с места и только снежная пыль за клубилась сзади.

- Вот и вырос у нас сын! - С гордостью сказал Сирий.

- Чтобы человеком был хорошим, - отозвалась Наста.

Дорога вывела за деревню, пошла лесом, была чуть припорошена свежим снегом, на котором петляли следы. Иван попридержал коня. "Зайцы, - усмехнулся он, - охотился на них когда-то, в детстве, есть надо было что-то. А вот тут дорогу пересек лось. Копыта отпечатались четко. Хорошо! Как же здесь хорошо. И работать надо ехать сюда. Окончу школу, вернусь. Надоел мне город, нечего там делать. Буду как Максимов, сельским участковым."

Однако размышлять времени особо не было. Иван прищипорил коня и понесся вскачь. Ледяной ветер обдувал разгоряченное лицо, и от этого ощущался восторг и даже трепет. Иван первый раз ехал на самостоятельное задание, еще не закончив школу милиции, будучи только курсантом. Но он уже чувствовал ответственность, понимал, что ему поручил Максимов и надеялся справиться.

Появление чужого всадника в Ражино конечно не осталось незамеченным. Да такого и не могло быть, деревня все же. Встречавшиеся жители останавливались, провожали Ивана глазами, кто-то кивал приветственно головой. Но, похоже его не узнавали. Если курсант и бывал здесь, то еще подростком.

Иван знал, куда ехал. Лена, его симпатия еще по интернатской школе, в которой учились дети из дальних деревень, была дочерью небезизвестного Митяя, местного бригадира рыбацкой артели, занимавшейся промыслом круглый год. Дом Митяя можно было узнать издали по ноной крыше и разросшимся пристройкам. "Хорошо живет Митяй," - подумал Иван.

У ворот курсант спешился, привязал коня, прошел по расчищенному двору к дому и поднялся на перестроенное высокое крыльцо, недавно прометенное от снега. Веник стоял тут же у двери. Сердце у Ивана неожиданно забилося чаще, чего он никак не ожидал. Приоткрыл дверь в холодные сени и крикнул, - Хозяева! - Подождал немного и добавил. - Есть кто?!

Дверь из дома открылась, скрипнув, и в сени выглянула высокая, стройная девушка с серыми глазами. Одета она была по домашнему, голова подвязана платком, а руки оказались в муке. Молодые люди замерли от неожиданности. Иван ехал все еще к девочке, школьнице, никак не ожидал увидеть Лену в образе девушки, понравившейся ему снова даже больше, чем раньше. А Лена никак не ожидала увидеть Иван в Ражино вот так, вдруг.

- Здравствуй! - Первым очнулся Иван.

- Заходи. - Лена распахнула дверь и отошла в сторону, так и держа неловко руки, присыпанные мукой. - Пирог стряпаю... Извини.

- Рыбник? - Спросил Иван.

- С судаком, - отец вчера принес.

- Он дома?

- Нет, повез рыбу в район. Ты к нему? Не повезло тебе.

- Наоборот. - Иван скромно переминался у порога, не зная что сказать дальше, и вдруг неожиданно для себя выпалил, - Тебя хотел поведать... Как ты тут?

- Я? - Лена кокетливо поправила платок на голове, если так можно было сделать руками в муке. При этом мука просыпалась и испачкала лицо. От чего Лена стала выглядеть смешно и вместе с тем сделалась еще более симпатичной. - Пирог надо доделать, тесто сохнет. Посиди пока.

- Может помочь?

- Печку проверь.

- Сейчас, - Иван был рад сорваться с места и заняться каким-то делом. Выяснять отношения, заигрывать он не умел. По своей натуре был совсем не таким.

- Подбросить надо, - Иван пошурудил в топке и оглянулся, дров у печки не было.

- За домом, под навесом поленица, - пояснила Лена, зашипывая верхний корж.

Иван принес охапку дров, сложил на металлический лист и, прежде чем добавить поленьев в топку, спросил, - сколько подбросить?

- Полешка два, не больше. Посмотри, в духовке уже горячо?

- В самый раз. - Иван открыл дверку духовки, оттуда пыхнуло жаром.

Лена хотела сама задвинуть противень с пирогом в духовку, но Иван и тут подоспел, - давай я.

И Лена уступила, улыбнувшись.

- Я сейчас. - Девушка скрылась за занавеской. - Ой, что ж ты мне не сказал?

- Ты о чем? - Иван опять неловко затоптался у двери из дома.

- Да я в муке вся!

- Смешная, - парень сказал это слово, пришедшее само, и в его понимании оно означало хорошая, даже красивая.

Лена никак не отреагировала на смешную, ничего не ответила. А Иван подумал, что сказал не то, не так, не обиделась бы.

Лена вышла из другой комнаты изменившейся. Теперь она точно была не смешная, а красивая. Платье было другое, и русые волосы прибраны по особому. Она не остановилась, не думала, произвела ли впечатление на Ивана.

- Пирог еще не скоро. Ты голодный, из Юзино?

- Родителей приехал проводить.

- На побывку значит. Раздевайся, чего стоишь? - Лена поставила на плиту чайник.

- Мне бы коня пристроить.

- Пойдем, покажу. - Девушка накинула телогрейку, теплый платок, сунула ноги в валенки и пошла вперед показать конюшню.

А Иван подумал: "Ну, где конь, стало быть там и хозяин."

Султана завели в пустую конюшню, расседлали, насыпали овса, положили сена. Конь тоже остался доволен, как и его хозяин.

- Пойдем, чайник наверное закипел. - Лена опять побежала вперед.

Иван зашел в дом за ней, достал из рюкзака тормозок с припасами и выложил на стол снедь, так и нетронутую за долгую дорогу. - Мама с собой дала.

- Заботливая она у тебя, - Лена вздохнула, подумав о своем.

Иван хотел спросить о матери девушки, но, подумав, не стал: "Не буду, зачем, сама скажет, если захочет." Лена упомянула только об отце, увезшем рыбу, а о матери почему-то промолчала.

За столом сидели молча, перекусили тем, что было у Ивана, и Лена добавила разносолов из ямы. Пили чай и смотрели друг на друга. Наверное вспоминали интернат, каждый свое. Это была прошлая жизнь, и ее обсуждать почему-то не хотелось. Ивану вдруг показалось, что вот он, муж, вернулся с работы, его встретила жена, кормит ужином. О чем думала Лена? Может быть тоже об этом же.

Получалось так, что они были давно знакомы, и знакомы не как школьники, а люди, уже прожившие часть своей жизни вместе. Когда и говорить бывает не надо. Понимаешь друг друга не просто с полуслова, а по одному взгляду, движению руки. Слова могут отойти на второй план. Главное, пусть и не сказанное, на самом деле оказывается сказанным, а отношения переходят на казалось бы недостижимую высоту, а может и глубину.

Дошла ли очередь в тот день и вечер до пирога, не знаю. Это было совсем неважно. И о чем говорили Иван и Лена, все же они должны были перебрасываться какими-то междоме-

тиями, тоже неизвестно. Давайте оставим их в покое, нехорошо заглядывать через задернутые занавески в чужую жизнь.

О важном поручении Иван тоже на время забыл. Задание Максимова вдруг отошло на второй план, а может и на более дальний.

В день, когда Иван уехал в Ражино, Сирый пошел на работу в свою артель. Как ни были надежны его ребята, а контроль за ними все равно требовался. Бывшие каторжане, хотя и бывшие, привыкли к постоянному вниманию Сирого. Они должны были чувствовать пригляд. Так были устроены порядки и менять их, или ослаблять ни в коей мере не представлялось возможным.

- Ну как тут? - Спросил Сирый Дятла.

- Порывались двое за Ручкастого отомстить. - Дятел был в курсе все дел и настроений артельщиков.

- Мстить-то некому. - Сирый пожал плечами. - Косорукого нет. Где его теперь искать?

- Вот и хотели его поискать.

- Объяснил?

- А-то. Угомонились вроде.

- Ладно. - Сирый уже хотел пойти дальше.

- Постой. - Дятел остановил старшего. - Тут Вертухай обмолвился - Вроде Косорукий и не Косорукий вовсе, похож только.

- Сыч это, - прояснил ситуацию Сирый. - Не из наших краев.

- Что ему тут делать?

- По крупному работает. Ручкастому предлагал...

- Тогда понятно. Может и с Косоруким та же история?

- Может. Но думаю, больше он к нам не сунется.

- Логично, - согласился Дятел.

- Как на делянке?

- Лес начали валить. Трактор бы надо...

- Найду, - пообещал Сирый. - Пойду на делянку, посмотрю, как работают.

- Вторая бригада там, Вертухай.

Заодно и поспрашаю, почему он Косорукого не узнал, а сказал об этом только сейчас.

Выяснение отношений и первый допрос

Иван проснулся, когда за окном было еще темно, и не сразу понял, где он находится, спал крепко. События вчерашнего дня и вечера вспомнились не вдруг, а восставали из небытия постепенно, одно за другим. Иван улыбнулся, происшедшее с ним не могло не радовать.

Курсант осторожно встал с кровати, босые ноги почувствовали студеной пол, и сон окончательно прошел. В доме было холодно, надо было быстрее затопить печку. Иван пошуровал кочергой в топке, там еще мерцали искорки, а потом выгреб золу из поддувала. Дрова и наструганные лучинки были приготовлены с вечера, оставалось только положить их в печь.

Иван чиркнул спичкой. Маленький слабый огонек осветил темноту, перекинулся на самую тонкую лучинку и тут же окреп, а потом начал расти, отвоёвывая себе все большее пространство. Приятно пахло дымком, и попавшее еловое полено весело затрещало. Иван прикрыл дверку топки, оставив небольшую щель, и смотрел на пламя, отбрасывающее свет в комнату.

Скрипнули пружины кровати. Лена, накинувшая на себя шаль, примостилась рядом с Иваном на низенькой скамейке и тоже замерла, следя за пляшущими отблесками огня. Так они сидели долго. Иван открывал дверку и подбрасывал поленья в печь. Пора было заниматься обычными деревенскими делами, только ребятам не хотелось отрываться друг от друга и от огня, приковывающего их взгляды.

- Пора, - Лена прошептала первое слово в это утро, но не пошевелилась.

- Пора, - эхом отозвался Иван и тоже не сдвинулся с места.

Только когда еще слабый утренний свет проник через окна в дом, Иван и Лена с сожалением вздохнули и сладко потянулись. Действительно было пора. Иван не забывал о поручении Максимова, только отложил его до сегодняшнего дня.

- Ты к нам надолго? - Спросила за чаем Лена.

- Завтра надо ехать, - ответил Иван. Хотя ехать он должен был уже сегодня.

- Жаль... Мы еще увидимся? - Робко спросила Лена.

- Не хочу уезжать. - Иван помрачнел. - Не хочу расставаться.

Лена посмотрела на парня вопросительно, но ничего не сказала.

- Меня из школы ненадолго отпустили... Я учусь в школе милиции... Ты будешь меня ждать? - Иван выпалил все сразу.

- Буду, - ответила Лена просто, не раздумывая.

- Мне еще целый год учиться, - Иван то ли оправдывался, то ли сразу намекал на предстоящие трудности.

- Женщины всегда ждут своих... мужчин. И я буду ждать.

- Я приеду на каникулы летом! Буду тебе писать.

- Только укажи адрес, на который можно отвечать. Тебе ведь можно писать?

- Конечно можно... Тебя не смущает моя профессия?

- Нет.

- Я хочу вернуться работать в Юзью. Поедешь со мной?

- Поеду.

- Как у нас все просто. Разве так бывает?

- Значит бывает.

Удивительно - в разговоре Ивана и Лены не было восторгов, громких эмоций, ненужных слов, но был душевный трепет, невидимый внешне и неслышимый со стороны. Этот душевный трепет стоил дорогого.

- Ты, прости, мне нужно с вашим фельдшером встретиться. - Иван не знал, как лучше подступиться к своему заданию, поэтому сказал прямо, как есть.

- Для этого сюда приехал? - Так же прямо спросила Лена.
- Иначе я бы к тебе не попал. - Иван чувствовал себя виноватым.
- Значит это судьба свела нас вместе. - Лена была мудрой девушкой и не спрашивала о большем.

- Я тоже так думаю.
- Ты надолго к Марусе?
- Постараюсь побыстреей.

Иван встал из-за стола, развязал свой рюкзак и достал из него портфель. Конечно идти с портфелем по деревне не следовало. Поэтому курсант достал картонную папку с документами, одел полушубок и спрятал папку под него.

- Вот так, привыкай. Это моя работа.
- К обеду жду, щей наварю. - Лена посмотрела вслед Ивану и улыбнулась. Ей было хорошо. Ждать любимого человека тоже бывает приятно.

А Иван полетел по деревенской улице как на крыльях. На душе у него было легко и радостно. Двор у амбулатории пустовал, поэтому курсант сразу зашел внутрь и прошел в кабинет к Марусе.

- Молодой человек, веник у входа для кого стоит? - Маруся сидела за столом и что-то писала. - Смотрите, снега натащили!

- Извините. - Иван вышел на улицу, обмел веником ноги и вернулся в кабинет.
- Не нашенский? - Спросила Маруся.
- Из Юзино.
- Что-то не видела я тебя там.
- Иван, сын Насты, - назвался курсант.
- Знаю, только у нее маленький мальчонка был, Иваном звали.
- Так мальчонка вырос уже.
- На что жалуешься? - Снизойшла строгая Маруся.
- Ни на что не жалуюсь. - Иван пожал плечами. - Привет просили передать.
- Кто просил?
- Максимов, - смело ответил Иван и для пущей важности показал Марусе свое курсантское удостоверение.

- Так бы сразу и сказал, - Маруся тут же сменила тон. - Что за привет Максимов просил передать?

- С постояльцем твоим, Николаем, приказал мне поговорить.
- И про постояльца знаешь?
- Знаю. Вопросы у Максимова есть к нему.
- Вопросы? - Маруся похоже тянула время, только непонятно почему.
- Проводи, времени у меня нет! - Иван обнаружил в своем голосе командные нотки.
- Ну раз так, пошли. - Маруся тут же притихла.

Колян, он же ручкастый, уже мог потихоньку вставать и дойти по стеночке до ведра, которое Маруся поставила ему в дальнем углу в сенях. Справляя нужду, конечно морщился, но главное мог это сделать сам. Уж очень Коляна раздражала собственная неспособность, к тому же он очень стеснялся Маруси, сам не зная почему.

Когда Маруся и Иван зашли в дом, Колян уже полулежал, полусидел на кровати и крутил в руках, снятые со стены часы.

- Вот, поправить решил ходики. - Колян виновато посмотрел на хозяйку.
- Опять шастал! - Не на шутку разозлилась Маруся. - Говорю же тебе, рано еще, лежи. Откроется рана, не буду тебя лечить, в больницу повезу. И не помогут тебе никакие защитники.
- Хозяйка оглянулась на Ивана. - Вот, до тебя человек приехал из самой области. А ты режим не соблюдаешь. Ладно, говорите, а я пока шприц поставлю кипятиться.

- Опять?! - Возмутился Колян. - Боюсь я этих уколов.
- Ничего, если жить хочешь, потерпишь. Начальник, приструни тут его, а то не слушается. Чуть оклемался, осмелел. Иш ты! Смотри у меня! - Маруся говорила строго, но выходило у нее не по-настоящему. В голосе звучали совсем другие нотки. Похоже это заметил и Иван.
- Не поймали еще... этого? - Спросил Колян у Ивана.
- Пока нет. Ты не думай, поймает. Сам Максимов твоим делом занимается! Меня послал тебя поспрашивать.
- Максимов?! - Удивился Колян. - Братва о нем хорошо отзывается, авторитетный начальник.
- Вот, смотри. - Иван достал из-за пазухи свою папочку и показал раненому две фотографии, Косорукого и Сыча. - Кто тебя ранил?
- Колян сначала морщась привстал, Иван подхватил его, помог подняться. Раненый повернул фотографии к свету и начал внимательно рассматривать.
- Темно ведь в бараке было. - Колян переводил взгляд с одной фотографии на другую.
- Ты как это, под протокол?
- Нет. Я же сыскарь, - Иван уже определил свою будущую деятельность в милиции, - не следователь.
- Боюсь ошибиться, но вот этот был. - Колян протянул фотографию Сыча.
- Понятно, - обрадовался Иван. Показания отца и потерпевшего совпадали.
- А кто он такой? - Спросил Колян.
- Сыч, залетный, не из наших мест. Что за дело он предлагал?
- Раз я сразу отказался, он и говорить ничего не стал.
- Сам-то как думаешь?
- Ну, моя специальность... - Колян замялся, - известная, по сейфам мастер. А сейфы где имеются? Вот и прикидывай.
- Взять что хотят?
- Бабки. Про это он сказал и сказал, что в раз и много. Кодла для такого дела ему нужна.
- Что за нож у него?
- А, - Колян соорудил нехорошо гримасу, - нож знатный. Сам не ожидал, что он им так... Я же его за ручку держал, пером в его сторону...
- Перехватил?
- Ну, да. - Я спросил, - Жужича нож? Он сказал, - да, там на ручке знак особый, Жужича. Ну я... в общем лоханулся.
- Не переживай, найдем гада. А что за Жужич?
- Мастер по пикам.
- Вроде не нашли мы такого...
- Из новых... его мало кто знает. И ножи его только у авторитетов, для понту, их в делах не светят.
- А у Сыча тогда эта пика как взялась?
- Не ко мне вопрос, начальник.
- Ну, наговорились?! - В комнату вошла Маруся с наполненным шприцем в одной руке и ваткой в другой. - Подставляй мягкое место.
- Давай помогу, - предложил Иван Коляну.
- Сам, - ответил тот и кряхтя начал поворачиваться на живот.
- Ладно, спасибо. - Иван начал собираться. - Ты пока не подрывай отсюда, понял!
- Я ему подорву! - Ответила Маруся. - Так Коля?
- Так, так, - согласился Ручкастый, которому видимо скоро придется проститься со своей воровской кличкой.

А Иван заспешил обратно к Лене. У них еще был сегодняшний день и целая ночь, зимняя и поэтому длинная.

Разоблачение предателя

Сирий дошел до делянки, где рубили лес на баню, быстро. Туда вела хорошо протоптанная тропинка, артельщики работали на делянке каждый день. Сваленного леса на баню уже хватало, поэтому артельщики остановились и сидели у костра.

- Здорово, ребята! - Поздоровался Сирий. - Как дела?

- Не знаем, валить дальше или нет, - от костра поднялся Вертухай. Костян говорит, на баню хватит. Так, Костян?

- Так. - Отозвался небольшой, сухонький мужичонка с бородой, строитель и плотник в одном лице.

- На большую баню хватит? - Поинтересовался Сирий. - Вся бригада за раз помыться сможет?

- Как не сможет, конечно сможет, начальник. - Подтвердил Костян. - Не баня, а банно-прачечный комбинат получится - парная, мойка с прачечной и предбанник, на две печи.

- План у тебя с собой? - Спросил Сирий.

- В бараке, зачем сюда брать. - Ответил Костян. - Лес еще остался, что делать будем?

- У нас кухня, времянка. На новую и столовую хватит?

- Ну ты даешь, начальник! - Костян надвинул шапку на лоб почесал затылок. - Тут прикинуть надо. До твоих зарубок лес еще есть.

- Вот ты и прикинь. Для себя же строим.

- Это я понимаю. Трактор будет?

- Тут же трелевочник надо, где я тебе его возьму. Рубите баню здесь, потом переносим по бревну, недалеко.

- Еще не легче, - Костян понурился. - Как, братаны?

- Правильно начальник сказал, - раздалось от костра, - для себя строим.

- Сделаем, - подхватили остальные.

- Вот видишь, Костян, какая братва у нас. А ты сомневаешься. Вертухай, пойдем, перетереть надо. - И Сирий направился к дереву с зарубкой, у которого несколько дней назад к нему подошел Сыч.

- Что скажешь, бригадир? - Сирий потрогал зарубку и обернулся к Вертухаю.

- Насчет леса? Так я думаю...

- Насчет Сыча! - Перебил Сирий, вопрос был как в поддых.

- А что насчет Сыча? - Вертухай побледнел.

- Узнал ты его, падла, а Дятлу не сказал. Так? - Сирий говорил вроде спокойно, только за этим спокойствием таилось страшное.

- Да, я... - Вертухай вроде как хотел оправдываться, но тут же понял, что это бесполезно. Сирий смотрел на него ледяным взглядом, от которого пробирало холодом до пяток. И падать на колени, и просить прощения было бесполезно. Неписанный закон братвы был строг и по своему справедлив.

- По каким делам Сыча знаешь?

- На пересылке в Лебеде вместе были.

- Что ему в наших краях надо?

- Не знаю...

- Врешь, гад! - Сирий говорил тихо, сквозь зубы. - Пшел отсюда, падаль!

- Вещи...

- Как ты братве в глаза смотришь? Не боишься? У Ручкастого кореша остались. До утра не доживешь. Чтобы в деревне тебя больше не видел! - Сирий пошел к костру и обернулся. Вертухая уже не было.

- Костян, за бригадира будешь, понял? - Скомандовал Сирый.
- Понял, начальник. - Ответил Костян и посмотрел на бригаду. Люди одобрительно загудели. - Мы и сами тебе хотели про Вертухая сказать. А ты молодец, нас опередил.
- Все, кончай перекур! - Сирый был строг. - Костян, вечером про кухню расскажешь, что думаешь.

- Придумаю, - Костян встал и поднял топор. - А ну, братва, хватить сидеть. Слышали, что начальник сказал?

Люди тоже начали вставать и пошли работать, остались довольны решением Сирого.

А Сирый не направился сразу в деревню, а еще раз подошел к елке со своей зарубкой. От дерева начиналась не то узкая просека, не то длинная проплешина, выходящая дальше на водораздел. По этой просеке и вышел Сыч, его следы Сирый приметил сегодня. И вот по Следам Сыча теперь ушел и Вертухай.

- Дятел! - Сирый зашел на кухню, где во всю парило и пахло едой. - Обед есть?

- Пять минут, начальник, - отозвался повар. - Суп будешь?

- Что у тебя сегодня?

- Щи, наваристые получились. Подождешь?

- Подожду. Дятел где?

- Найдем, ты садись пока. - Повар подобострастно придвинул табурет. - Гришка! - Серго окликнул истопника и своего помощника. - Дятла найди, пахан ждет!

- Садись? - Сирый нахмурил брови, но так, для вида.

- Виноват, начальник! - Тут же поправился повар. - Присаживайся.

- То-то. - Сирый примостился за стол. - И сколько раз говорил, не называй меня паханом.

- Так я, по привычке.

Сирый махнул рукой, мол бестолку тебе говорить.

Между тем повар, пока щи доваривались, положил в миску квашеной капусты, добавил подсолнечного масла, нарезал хлеба.

- Луку добавь, - попросил Сирый.

- Сейчас, сейчас, - повар достал луковицу, почистил и мелко нарезал. - Побольше?

- Побольше, - попросил Сирый. - Как дела, Дятел? - Спросил Сирый смотрящего за хозяйством, вошедшего с улицы. Без сюрпризов?

- Без, - ответил Дятел, - работаем, строимся. Под баню площадку подготовили.

- Баню прямо на делянке срубим, бревна так придется перетаскать.

- Перенесем, не проблема.

- Обедать будешь?

- Не откажусь. - Дятел сел напротив Сирого.

- Лес еще остается, как думаешь?

- Кухню надо новую, - Дятел оглядел прокопченную временку.

- Вот и я о том же... Серго! - Сирый позвал повара. - Нужна новая кухня?

- Конечно нужна, начальник! - Обрадовался повар. - Я тут...

- Вот! - Перебил Сирый. - Костян с бригадой вернется, вместе и подумайте. Тебе здесь хошеварить.

- Костян? - Спросил Дятел.

- Выгнал Вертухая! Всю артель подставил.

- Правильно сделал, - поддержал Дятел.

- В лагерь не пускать, понял?

- Как не понять! - Дятел даже обрадовался. - Недаром кличка у него была Вертухай.

Поделом.

- Барахло его прошмонайте.

- Сделаем. - Дятел тут же вышел и отдал команду.

- Похоже капуста кисловатая, - заметил Сирий и спросил Дятла, когда тот вернулся. - Тебе как?

- Мне нормально, - отозвался смотрящий.

- Серго! - Сирий позвал повара. - Песка в капусту добавлял?

- Сахара? - Удивился Серго.

- А у вас что, не добавляют?

- Нет. В следующий раз добавлю. - Пообещал повар.

- Ты лучше и так, и так сделай, - посоветовал Дятел. - Мало ли. - И посмотрел на Сирого.

- Правильно, - согласился Сирий.

В щах стояла ложка, были они наваристыми, с телятиной и пахли вкусно. Правда были очень горячими, пришлось их сначала остудить, помешивая ложкой. Зато потом, как говорится, у двух едоков за ушами трещало. А Серго стоял в сторонке и улыбался, радовался. Любил кормить людей, особенно когда приготовленная еда удавалась и нравилась.

С кухни Сирий и Дятел вышли сытыми, подбодренными и рады бы были где-нибудь прикорнуть, отвлечься от каждодневных забот. Но и в этот раз не получилось. Их уже ждал человек с объемистым вещмешком Вертухая.

Вот, нашел. - Доверенный отдал мешок Дятлу, а Сирому протянул конверт. - Распечатан был, письмо там.

Чемодан в камере хранения

Почту в Юзино привозили. Конечно не было в ее доставке никакой регулярности, причин для этого хватало - то дорогу переметет, то грязь непролазная, машина застрянет, или сломается, а то и почтальонша не поедет. Что ей везти одно или два письма, ничего страшного, поднакопится побольше, отвезет. Иногда почту вообще отправляли с оказией, ездила по деревням автолавка. Только и с автолавкой могли случиться те же самые неприятности.

Артельщики, так их называли местные жители, писали письма, если было кому писать. Ждали конечно ответов, только редко получали весточки. Не очень их ждали после освобождения, или вообще не ждали.

На конверте, пришедшем Вертухаю, обратного адреса не было, но круглые штампы почтовых отделений имелись, правда не очень четкие. При желании все равно можно было определить из какого города пришло письмо. Само письмо было коротким, написано корявыми печатными буквами. Можно было подумать, что писал первоклассник.

Сведи Сыча с Ручкастым. Чемодан в камере хранения на ж/д вокзале. Квитанцию отдай Сычу.

- Вот ведь как! - Сирий не на шутку разозлился, рассматривая письмо у себя дома. - И квитанция здесь.

- Ну ладно, с Ручкастым Вертухай Сыча свел. Почему квитанцию ему не отдал? - Не понимал Иван.

- Да, потому что Ручкастый от дела отказался, и Сыч сбежал. Отдавать некому было! - Сирий стукнул рукой по письму. - Тут как раз все просто.

- Значит Сыч не знал, что ему надо чемодан забрать? - Предположил Иван.

- От пахана ихнего письмо, - ответил Сирий, - больше не от кого. И в чемодане скорее всего вещи для обоих были, может и деньги.

- И наверняка записка, что дальше делать! - Иван соображал быстро. - Может чемодан так там и лежит?

- Может, - согласился Сирий, - Максиму надо срочно звонить, номер квитанции сказать. Как бы поздно не было!

- Так ведь телефон только в Ражино! - Иван чуть не подпрыгнул на месте, подумав о Лене.

- Интерес у тебя появился в Ражино? - Сирий ухмыльнулся.

- А хотя бы! Что нельзя?

- Тебе виднее. Я-то больше о деле думаю, а не о...

- Оте-е-е-ц! - Тут же послышался предупреждающий оклик Насты.

- Да понимаю я все! - Ответил Сирий. - Что я, деревянный? Собирайся, Вань, едем! -

И пошел запрягать.

- Я готов! - Ваня, как на пружинах, вскочил из-за стола.

- Куда вы на ночь глядя?! - Всполошилась Наста. - До утра подождите.

- Утром надо уже Максиму звонить. - Ваня торопливо укладывал в рюкзак свои вещи.

- Так ты что, сынок, уже и не вернешься? - Наста отложила в сторону рубашку мужа, которую штопала.

- Не знаю, мам, как Максимов скажет.

- Оно конечно, - Наста расстроилась, - мало погостил-то как.

- Ничего, мам, летом на каникулы приеду.

- Ой! - Спихнулась Наста, - а я-то что сию! - И бросилась на кухню собирать мужиков в дорогу.

Сирий оседлал двух лошадей, решили ехать верхом, быстрее.

- Как тебе Султан? - Спросил отец Ивана.

- Понравился! Я ведь помню, как Максимов на таком же приезжал, завидовал ему тогда.
- А сейчас? - Поинтересовался отец.
- А сейчас, я вроде как его место занял. - Иван и вправду был доволен.
- Ну, дай-то Бог.
- Школу закончу, сюда вернусь. Буду по деревням ездить.
- Мы теперь нашего участкового и не знаем, ни разу не видели. - Наста вышла во двор

проводить своих.

- А есть ли он вообще? - Сирий обнял и поцеловал жену. - Не скучай, завтра к вечеру вернусь.

- Твоим-то что сказать?
- С утра сходи, так Дятлу и скажи.
- Схожу, схожу, - пообещала Наста.

Два всадника выехали со двора и растворились в темноте ночи. Надо было поспешать.

Сирий и Иван приехали в Ражино затемно, деревня еще спала. Чтобы не тревожить местных, Сирий предложил сначала заехать к старосте Инютину и дожждаться утра у него. Так и поступили. Инютин словно и не ложился. Только всадники заехали к нему во двор, тут же вышел на крыльцо одетый и начал по деловому распоряжаться, куда пристроить лошадей.

- Петрович, ты что не спишь? - Спросил Сирий, когда они с сыном зашли в дом к старосте.

- Не спится, вот и не ложусь. - Спокойно ответил Инютин. - Я бывает вот так всю ночь и просижу у окна.

- Вообще не спишь?
- Днем подремлю, и ладно, хватает. А это кто с тобой?
- Сын, Иван! - Сирий с гордостью похлопал парня по спине.
- На побывку приехал? - Инютин рад был поговорить.
- По делам, - Иван вступил в разговор.
- Ишь ты, по делам! - Удивился староста. - Какие в твоём возрасте дела могут быть, так...
- Ты вот что, Петрович, - перебил Сирий, - Нам завтра, хотя уже сегодня, опять надо

Максимову позвонить.

- Так что же, сходим, если надо. - Инютин зевнул. - Вот как под утро, так зевота вдруг нападает. Отчего это?

- Перепутал ты дедушка день с ночью, - ответил Иван, - потому так.
- Ишь ты, умный какой! - Беззлобно заметил Староста, готовый говорить и дальше.
- Петрович, а давай-ка мы и вправду прикроем, - предложил Сирий. - А то мы с дороги,

всю ночь ехали.

- Давайте, давайте, - не стал возражать Инютин. - Сами располагайтесь. А я у окна посижу... Ох ты, выяснило-то как! - Староста посмотрел на небо и неожиданно продолжил. - К весне значит, не долго осталось.

Утро проспали! Инютин и вправду так и уснул на стуле у окна. Под его убаюкивающих храп видели сны и Сирий с Иваном. Первым проснулся Сирий да и то оттого, что две деревенские жительницы загремели у колодца на улице ведрами и к тому же зацепились языками, обсуждая что-то очень важное из деревенской жизни. О чем еще бабам можно было поспорить, а может они и не спорили, просто такой у них была манера разговора.

- Подъем! - Скомандовал Сирий.

Вторым проснулся Иван и чуть не упал с лавки, на которой он спал у печки. Потом дернулся и Инютин, но тут же замер, приоткрыв глаза, изучая обстановку.

- Ну вот, опять я всю ночь не спал! - Тут же заявил он и обратился к Ивану. - А ты говоришь день с ночью перепутал. Ничего я не путал, не сплю и все!

Со старостой спорить не стали, бестолку было, Инютину просто хотелось поговорить на важную для него тему.

- Ну что, пойдём в контору! - Поторопил Сирий.

- А сегодня бесполезно, - вдруг заявил Инютин. Вчера пенсию привезли, так что теперь вся деревня там. И мне вот надо за пенсией сходить. Вдруг денег не хватит.

- Не может такого быть! - Тут же возразил Сирий. - Нам-то как теперь быть? Разогнать там всех, что ли?

- Отец, не ершись, - остановил Сирого Иван. - Побудь здесь, поспи ещё. А мы с дедом вдвоем ходим и по-тихому все сделаем. Так, Иван Петрович?

- Так, тезка, - согласился староста. - Хотя один по имени отчеству назвал. А-то как только не кличут... ладно, пошли.

Сирий конечно хотел возразить, только махнул рукой, мол делайте что хотите, и лег спать. Тоже не стал терять время даром.

У конторы, как и говорил Инютин, уже кучками толпились пенсионеры. Пришли они конечно за пенсиями, но и поговорить хотелось. Никакой очереди не было. Один человек выходил из конторы, другой тут же заходил. Получившие пенсию никуда не спешили, что им было делать дома, а продолжали разговаривать. Поэтому толпа перед конторой и не думала убывать. Инютин тут же затерялся среди собратьев, наверное забыв про Ивана.

"Ну что ж, придется самому действовать," - подумал курсант и решительно зашел в контору. Вся его решимость мигом пропала. Кроме приехавшей кассирши с пенсией здесь же находились Митяй, делавший записи в толстой тетради и его дочь Лена, удивленно поднявшая глаза на вошедшего Ивана.

Первые результаты в раскрытии преступления

Иван заметил, что у него появилась новая привычка. Пока он не знал, как к ней относиться, но раз привычка помогала в работе, то и не задумывался какая она - хорошая или не очень, знал одно - не плохая. А суть этой привычки заключалась в очень простом. Если не знаешь, как поступить, то действуй прямо.

Вот и сейчас, зайдя в контору и сначала растерявшись, Иван поступил просто. Подошел к столу, за которым работал Митяй, его он знал еще мальчишкой, достал удостоверение курсанта школы милиции и представился, - Иван Сергеевич Иванов. Здравствуйте!

- Ух ты! - Митяй оторвался от тетради и посмотрел на вошедшего. - Иван, да еще Иванов?! И из милиции! - То, что удостоверение было курсантское, никакой роли не играло. Важна была сама красная корочка с фотографией в форме и печатью. - Здравствуй! - Митяй встал из-за стола и протянул руку.

Иван пожал ее. Сила сошлась с силой, и какое-то время Митяй и Иван дожимали пожатие, улыбаясь и испытующе глядя друг-другу в глаза.

- Ничья? - Спросил Митяй и хлопнул Ивана левой рукой по плечу. Силы у него еще оставалось.

- Согласен, - ответил Иван. Честно говоря, на такое испытание он не рассчитывал.

- Садись, - предложил Митяй. - Чаю?

- Не откажусь.

- Лена, организуй-ка нам два чая. - Попросил Митяй дочь, неизвестно откуда взявший такой сложный для деревенского жителя оборот. Может слышал в каком-нибудь фильме. - Лицо мне твоё знакомо, приглядываюсь и не пойму. Из наших мест?

- Сын Сирого и Насты, - ответил Иван.

- Ваня? - Удивился Митяй. - Ты же вот таким мальчишкой был. - И показал рукой от пола. - Постой, ты же с моей Ленкой учился?

- С ней, - ответил Иван. - Она у тебя вон какая, невеста уже. А мне что, все пацаном оставаться?

Лена принесла и поставила на стол два стакана чая, украдкой все же бросила взгляд на Ивана, разволновалась, кто его знает, с чем приехал. Иван тоже стрельнул глазами на девушку и поздоровался, - привет, одноклассница!

- Привет, - отозвалась Лена и отошла к себе за стол.

- Ну, совсем девку засмущал, - подметил отец. - Что, нравится?

- Очень, - ответил Иван. - Она мне еще в школе нравилась.

Лена от таких слов прямо вся зарделась. Иван понял, надо переводить разговор на другое.

- От Максимова привет! - Перешел курсант к делу.

- Спасибо. Как он там? - Поинтересовался Митяй.

- Начальник областного уголовного розыска. - С гордостью ответил Иван.

- Молодец! - Похвалил Митяй и вместе с тем посетовал, - давно к нам не заглядывал.

- Вот, меня послал, - Иван пожал плечами. Все хотел обернуться и посмотреть на Лену, чувствовал ее искрометные взгляды, но сдерживался, ерзая на табуретке.

- Дело есть? - Спросил Митяй.

- Разузнать надо было про... - Иван замолчал.

- Понимаю, - Митяй махнул рукой, - не говори. Мы с Максимовым много вместе по тайге лазили. Банду обезвредили! Чем помочь?

- Телефон нужен. Максимов звонка ждет.

- Пенсия у нас сегодня, видишь.

- Подожду, время пока терпит.

- Нина, сколько у тебя еще осталось? - Спросил Митяй у кассирши.
- Пятеро, - Кассирша посмотрела по ведомости.

Однако последний старичок вышел из конторы, а с улицы больше никто не появился. Нина накинула полушубок, выглянула на улицу и выкрикнула фамилии оставшихся пенсионеров.

- Дома они, не ходячие, - отозвались с улицы. Получившие пенсию все еще стояли у конторы.

- Как это неходячие?! - Из толпы вышел Инютин. - Очень даже ходячие.
- Чего тогда не заходишь? - Рассердилась кассирша. - Давай быстрее. Я по домам пошла.

Бывший староста зашел в контору, поздоровался и тут же спросил у Митяя, - что, познакомились? Хороший парень. Митяй, зови к нам работать.

- Расписывайся вот тут. - Нина указала пальцем.
- А крестик можно? - Инютин был с юмором.
- Вот, считай, точно тут, до копейки. - Нина быстро набрала для Инютина нужную сумму.
- Да что ты, Нина, я тебе верю. - Петрович черкнул фамилию в ведомости, взял со стола деньги и засунул их в карман. - А если что, вот тут и милиция сидит, не даст обмануть. -

Непонятно было, серьезно говорил Инютин или шутил. Скорее всего шутил.

- Все, дед. - Нина быстро оделась и подхватила свою сумку. - Митяй, я побежала по домам, четверо остались, машина ждет, сегодня у меня еще две деревни. - Вдруг у выхода обернулась и спросила Ивана. - Не опасно ехать-то, раз милиция появилась?

- Нет, - ответил Иван и махнул рукой. - Хотя стой.

Нина насторожилась.

- Да нет, я не о том. Ты сегодня обратно в Юзью?
- Сегодня не успеем, ГАЗик-то у нас не очень. Завтра обратно.
- Меня захватите?

- Заберем, - пообещала Нина. - Все под охраной. Ты где, здесь будешь?

Иван вопросительно посмотрел на Митяя, а тот понял по своему, - У меня переночует.

- Хорошо, - ответила Нина и убежала.
- Дом-то знаешь, где мой? - Спросил Ивана Митяй.
- Найду, не вопрос.
- Ждем, не тни тут с разговорами. Максимову привет.
- Контору закрыть? - Спросил Иван.
- Чуть не забыл, держи. - Митяй положил ключ на стол. - На втором обороте осторожней,

бывает проворачивается.

Митяй вышел на улицу первым, а Лена вроде как замешкалась, поправляя платок. Успели ребята обняться и поцеловаться. У Ивана на душе сразу стало легче, а то как-то сегодняшняя встреча сначала не получилась. Но все равно, пока было не до мечтаний, надо было звонить в УВД.

Ивану повезло. Максимов был в кабинете и ответил сам по прямому телефону. Бы у него такой для срочной связи, и номер этого телефона Максимов специально дал Ивану.

- Иван? - Отозвался Максимов. - Слушаю тебя!
- Отец и потерпевший Бурдяев по фотографии опознали Сычева, Сыча. - Первое, что доложил Иван.
- Так, уже хорошо. - Максимов сделал себе пометку. - Как потерпевший?
- Поправляется! - Иван усмехнулся. - Маруся его на ноги поднимет.
- Что смеешься?
- Да, так... - в общем повезло мужику!
- Понятно. Что еще?
- В артели работал Воронов Павел Семенович, кличка Вертухай...

- Вертухай? - Удивился Максимов. - Он что из бывших?

- Не знаю. У него нашли письмо без обратного адреса. Штемпель тридцать восьмого почтового отделения областного центра.

- Так, записал. Что в письме?

- Диктую. Сведи Сыча с Ручкастым. Чемодан в камере хранения на ж/д вокзале. Квитанцию отдай Сычу.

- Записал.

- Написано печатными буквами, коряво. Как ребенок писал.

- Письмо у тебя?

- У меня.

- Кстати, ты вернешься когда?

- Завтра в Юзью кассирша возвращается, до райцентра с ней. Ну, а потом, как повезет.

- К ребятам на посту ГАИ обратиться, всегда посадят. Сам так ездил.

- Понял. Так и сделаю.

- Что в квитанции?

- Номер 486295. Чемодан сдан... тут не разобрать.

- Ладно, найдем мы этот чемодан. За Вертухаем присматривают?

- Нет.

- Почему? - Максимов удивился.

- Отец его выгнал.

- Как?!

- Да так. Раскололи его. Не жить ему было бы в артели. У Ручкастого дружки остались.

- Тогда понятно. - В трубке зашуршало от вздоха Максимова. - Куда он ушел?

- По следам Сыча... Отец собрался сходить, посмотреть куда следы ведут... Может и я с ним?

- А письмо?

- Найду как переправить...

Максимов задумался, но потом скомандовал по своему, - нет, возвращайся. И чтобы без фокусов у меня. В школу пора.

- Есть, - нехотя ответил Иван.

- С ножом что?

- Ручкастый только кличку знает - Жужич, говорит из новых. Ножи в делах не светят, они только у авторитетов.

- Понятно. Косорукий никак не светился?

- Нет, отец ничего не говорил.

- Сдается, найдется его холмик где-то... Все! Завтра, послезавтра жду!

- Есть!

Иван шел к Митяю не то что мрачный, но расстроенный. Это его состояние касалось конечно не Митяя и не Лены. Дело было в другом. Не хотелось курсанту возвращаться в школу, хотел уже остаться здесь. Понимал конечно - так нельзя, надо доучиться, получить звание, назначение, но все равно, ничего поделать с собой не мог.

- Что, от начальства нагорело? - Спросил Митяй, увидев расстроенного Ивана.

- Да нет, так... Тут дел полно, а возвращаться надо. Вот что.

- Ну, им виднее, - заключил Митяй. - На то оно и начальство.

- Так оно конечно, - согласился Иван.

- За стол садитесь, - пригласила Лена, - у меня все готово.

Обедали почти молча, разговаривали мало. Митяй порасспросил Ивана о житье в городе, об учебе. Но разговор как-то не клеился. Отец видел, как смотрят друг на друга дочь и Иван.

- Ну что ж, не буду вам докучать, пойду до хутора схожу. С Серым насчет завтрашней рыбалки договориться надо. - Митяй оделся, у порога обернулся, смерил строгим взглядом ребят и добавил. - Там и заночую.

- Пап! - Лена хотела остановить отца.

- С хутора до речки ближе, зачем в деревню возвращаться. - Митяй подмигнул и ушел.

- Неудобно получилось. - Сказал Иван.

А Лена ничего не ответила.

Выезд оперативной группы на задание

Иван уезжал в областной центр в раздвоенных чувствах, если так можно было выразиться. Если с Леной складывалось все хорошо. Все - конечно можно было сказать тоже с натяжкой, пришлось расстаться, пусть и на время. Вот с отцом получилось иначе.

Сирий привык всегда быть в центре происходящих событий, сам принимал в них активное участие. А в ситуации с Сычем и Ручкастым он вдруг оказался за бортом. Конечно Сирий радовался за сына Ивана. Парень учился в школе милиции и был послан Максимовым, начальником областного уголовного розыска, для выполнения розыскных мероприятий. Кстати справился с поручением хорошо. Но вот так. И у отца, и у сына осадок в душе остался.

И еще. Иван передал отцу мнение Максимова о Вертухае, которого Сирий выгнал. Сирий считал, что поступил правильно. Для него главным были отношения в артели. Вертухай, предатель, пошел против неписаных законов братвы, его могли просто ликвидировать. А Максимов считал, что надо было за ним понаблюдать.

Иван простился с отцом в Ражино. Простился не как сын с отцом, а по-взрослому, по мужицки - пожали руки, посмотрели друг-другу в глаза, а потом обнялись, не сдерживая чувств. Прощание конечно разрядило напряжение, но не полностью. Помог Султан, ткнул мордой в людей, обратил на себя внимание. Иван потрепал коня по гриве, и прошептал в большо теплое ухо: "жди меня, скоро приеду."

- Полюбил, он тебя, - подтвердил Сирий.

- Береги его. - Попросил Иван.

- Твой конь, - Сирий похлопал Султана по лоснящемуся вороному боку.

Подъехал ГАЗик и просигналил с улицы.

- Все отец, мне пора.

- Давай, учись хорошо и возвращайся к нам. - То ли от холодного ветра выкатилась слезинка у отца, то ли растрогался он под конец, что за Сирым никогда не замечалось.

- Давай, давай, ждем тебя! - На крыльцо из дома в накинутом на плечи полушубке вышел Инютин. - А то как мы тут без милиции, страшно.

- Вернусь, дед, не бойся. - Ответил Иван, вышел за ограду и забрался в подъехавшую машину.

ГАЗик был старенький, да и водитель пожилой. Поэтому от Ражино до Юзьвы ехали долго. Местами, на открытых участках, дорога была перемерена, приходилось включать все железки. И то сугробы преодолевались не с первого раза. Иван выходил и толкал машину.

- В раскачку давай! - Кричал водитель.

- И раз, и раз! - Иван подхватывал усилия не такого и сильного мотора.

До Юзьвы Иван не поехал, а воспользовался советом Максимова и вышел на тракте у поста ГАИ, представился.

- Движения сегодня никакого, - предупредил постовой. - Так что жди. На любой машине поедешь?

- Выбирать не приходится. - Согласился Иван.

И правда что. По дороге хорошо мело. Из области машины еще шли, а из округа, как назло, не было ни одной. Двое постовых менялись, продувало в момент. А Иван то сидел внутри поста, а когда надоедало, выходил к дороге. Наконец из Буртымкара замаячил свет фар и к посту подъехал рейсовый автобус, битком набитый пассажирами. Люди даже стояли. Автобус ПАЗик считался не междугородным, шел по тракту от деревни к деревне.

Постовой махнул полосатой палочкой. Водитель занервничал, остановился, открыл переднюю дверь и начал искать на полке у лобового стекла документы. Пассажиры сначала притихли, мало ли что, а потом не выдержали и начали возмущаться. Дело было к вечеру, в

автобусе в основном ехали жители окрестных деревень, приезжавшие в округ на рынок и в магазины.

- Тише, тише! - Успокоил их постовой. - Сейчас поедете. - И обратился к водителю. - Все в порядке. Осторожнее, метет.

- Спасибо, - поблагодарил водитель, - не в первый раз.

- Нашего сотрудника возьмете. - Распорядился сержант. - До отворота на федералку поедешь? - Спросил постовой у курсанта.

- Поеду, - ответил Иван. - Куда мне деваться.

- Там бывает наш передвижной пост, к ним обратиться. - Посоветовал сержант. - И движение там больше. Подсадят.

- Спасибо! - Иван зашел в автобус, показал водителю удостоверение.

- Устраивайся, где удобнее, - гостеприимно отозвался водитель, закрыл дверь и поехал дальше. - Ну и служба у вас, ночь, полночь. Не позавидуешь.

"Устраивайся," - подумал Иван, свободных мест в автобусе не было. - Я вот тут, на ступеньке посижу.

- Правильно, садись, садись, к печке поближе. - Ответил водитель.

Иногда Иван засыпал, иногда просыпался, пропуская пассажиров к выходу, автобус постепенно пустел. Уже были свободные места. А курсант так и ехал на ступеньке. Водитель поглядывал на парня, улыбался: "Стойкий, будет толк," понимал в таких делах.

А Иван во сне и наяву видел Лену. Они простились утром. Девушка собрала его в дорогу и не пошла провожать, зачем было давать повод для лишних пересудов. Теперь оставались только письма.

- Приезжай, - предложил Иван.

- Мне отца не оставить. Как он один, без мамы, без меня. Может тебя еще к нам пошлют?

- Может, не знаю.

- Я тебя всегда жду.

- Вставай, курсант, приехали! - Водитель разбудил Ивана в последней по маршруту деревне.

Иван встал, поднял с пола рюкзак и посмотрел вперед. В свете фар пролетал снег, по прежнему мела поземка. - До федералки в какую сторону?

- Ладно, довезу, тут рядом. Объяснять дольше. - Водитель выехал из деревни и поехал дальше.

Рядом не рядом, но от деревни до федеральной трассы было с километр.

- Повезло тебе, курсант! - Водитель показал на ЗИЛ 131 с кунгом, стоящий на перекрестке со стороны федеральной трассы. Автобус подъехал и остановился сзади.

- Что случилось? - Спросил постовой у водителя через открытую дверь.

- Курсанта вашего в область захватите?

- А где он?

- Здесь. - Иван вышел из автобуса и показал удостоверение.

- Мы снимаемся в два часа, подождешь?

- Подожду. - Согласился Иван и крикнул водителю автобуса. - Спасибо!

- Бывай! - Раздалось в ответ.

- Полежай в кунг, там тепло, и чай у ребят есть.

В общем до школы Иван добрался чуть ли не под утро. Спать уже было некогда. Курсант успел привести себя в порядок и поспешил к начальнику школы, доложить, что вернулся из неофициальной командировки.

- Все сделал, о чем Максимов просил? - Поинтересовался начальник.

- Так точно! - Отрапортовал Иван.

- Давай к нему, я позвоню.

У Максимова в приемной как всегда толпились сотрудники. Но секретарь пропустила Ивана вне очереди.

- Полковник ждет, - объяснила она остальным.

Разговор Максимова с курсантом затянулся надолго. К тому же он попросил два стакана чая.

- Сказал освободиться через полчаса, - строгим голосом объявила секретарь, - не толпитесь. - Тут же нажала кнопку селектора и вызвала Гурина, начальника отдела розыскников.

- Ну, опять затевается что-то. Пошли. - Безнадежно сказал майор с толстой папкой.

- Максимов решает все вопросы без бумаг, - заметил еще один посетитель, - а ты с такой папкой.

- Так тут же финансовые документы, - оправдывался майор. - Без его подписи никак нельзя.

- Все, тихо. - Попросила секретарша. - Сказал через полчаса, значит через полчаса.

В приемную стремительно вошел Гурин и, оглянувшись на молчаливый кивок секретарши, тут же скрылся в кабинете Максимова. В его руке тоже была папка, только совсем тонкая.

- Видишь, как? А ты тут со своими документами. Пошли. - Приемная опустела.

Иван еще раз рассказал о событиях в северном крае, достав из весьма помятой картонной папочки фотографии Косого, Сыча и письмо, найденное у Вертухая. Гурин тоже раскрыл свою папку, в ней оказались материалы на Вертухая, его фотография и короткая справка, в который были отмечены все его подвиги.

А дальше произошло самое интересное, так и оставшееся в тайне для нас с вами. Максимов, Гурин и курсант Иванов сидели рядом с торца длинного стола для совещаний, наклонившись друг к другу, и говорили очень тихо. Между ними пропала разница в положении, званиях и возрасте. Эта троица решала, что делать дальше. Вряд ли человеку, далекому от оперативно-розыскной деятельности, из этого тихого разговора можно было что-либо понять. Да и не надо.

- А можно мне тоже? - В конце разговора спросил Иван.

- Что, майор, возьмешь курсанта с собой? - Спросил Максимов.

- Возьму, смысленный парень. - Ответил Гурин.

- Ты только его не перехваляй, ругай больше, - посоветовал Максимов в шутку и продолжил. - Как приедете, доложишь! - Скомандовал Максимов вслед выходящим из кабинета сотрудникам.

- Чай так и не попили? - Секретарь заглянула в кабинет, поправила стулья за длинным столом и спросила, - свежего сделать?

- Да, пожалуйста, - попросил Максимов, не оборачиваясь. Он стоял у окна и смотрел на улицу. Наверное в мыслях полковник был вместе со своими ребятами, отправившимися на настоящее дело.

- Начфина приглашать? - Спросила секретарь.

- Приглашай, - с тяжелым вздохом ответил Максимов и может в очередной раз пожалел о своем положении и должности.

Между тем оперативная группа выехала на основной железнодорожный вокзал областного центра. Был еще один, старый и теперь вспомогательный. В камере хранения лежал чемодан, оставленный Сычу.

Группа ехала на "буханке" обычного зеленого цвета, без мигалок и sireны. И в машине сидели с виду обычные люди в гражданской одежде. Они говорили о всякой ерунде, шутили, смеялись. Иван, единственный в форме, сидел молча, волновался. Этот выезд был его первым в составе оперативной группы. И у него уже было свое задание.

По следам беглецов

Сирий приехал домой ночью. Ехал из Ражино не торопясь. Лошадь так и шла шагом. А чуть позади, понуро опустив голову, скрипел копытами по снегу Султан и все норовил отстать. Сирий даже подтягивал его за повод.

- Не расстраивайся, вернется твой хозяин. - Подбадривал он коня. - Вот придет лето, придет Иван, и тронемся мы все вместе к Маше. Навестить надо дочку. Как она там. Да и Митрофана надо увидеть. Совсем они таежными жителями стали. Как ушли в лес, так больше и не появлялись. Последний раз мы у них с Максимовым были. Сколько лет прошло? - Сирий разговаривал то ли сам с собой, то ли с Султаном. - Вот ведь как время идет. И не вспомнить теперь.

Султан приободрился, ускорял шаг, но когда Сирий замолкал, опять отставал.

Свет в доме Сирого горел, Наста не ложилась, волновалась, ждала мужа. И как почувствовала, когда он приехал. Выбежала на мороз, накинув полушубок, платок и помогла открыть ворота.

- Ну как Ваня, уехал? - Первое, о чем спросила заботливая мать.

- Отправили, - Сирий вздохнул, - с кассиршей до Юзвы... А дальше уже сам будет добираться.

- Ну ясно, ясно. - Наста взяла Султана под уздцы и повела в конюшню.

Сирий закрыл ворота и пошел за ней следом со своей кобылой.

- Баня истоплена. Пойдешь? - Спросила жена.

- Пойду, - согласился Сирий.

- Пар уже вряд ли есть, а вода еще горячая.

- Хорошо, с дороги помоюсь и погреюсь.

- Замерз?

- Есть немного.

- Есть будешь?

- Буду.

- Ну, я пока разогрею. Ты не долго.

Сирий ел молча, был смурной, не в настроении.

- Ты чего, не заболел? - Наста потрогала лоб мужа губами.

- Нет, - ответил Сирий, в голосе послышалось раздражение.

- Ну тогда ложишь. Устал? - Наста все тревожилась. - Отдельно постелить?

- Лучше вместе.

- Как скажешь. - Наста расправила постель и легла к стенке, как всегда. Чувствовала, муж о чем-то думает. Но расспрашивать не стала, подумала, что сам расскажет, когда захочет.

Сирий пристроится с краю, обнял жену и закрыл глаза. Наста уткнулась ему в бок и быстро задремала.

- Про Ивана я все думаю, - вдруг сказал Сирий.

- А что с ним? - Наста как и не спала, и тут же растревожилась.

- Хорошо все у него, - успокоил жену Сирий. - И шепнули мне, с Ленкой вроде как наладились.

- Да ты что?! - Сон у Насты как слетел, она даже приподнялась с подушки и уперлась на руку.

- С Митяем породнимся, - размечтался Сирий. - Хороший он мужик.

- Намаялся только.

- Так оно.

- А Ваня сам тебе ничего не говорил?

- Нет, - Сирий улыбнулся. - Они все в секрете держат.
- Какие в деревне секреты, - удивилась Наста.
- Ванька уже ночевал у Ленки.
- А Митяй что?
- А Митяй специально на хутор ушел к Серому, на рыбалку с раннего утра наладились.
- Во дает! А вдруг...
- Ну и что, - Сирий усмехнулся, - не до лета же им ждать.
- Ну раньше...
- Что раньше? Времена теперь другие.
- Наста опять прилегла на подушку и притихла.
- Спишь? - Спросил Сирий.
- Нет, - прошептала Наста. - Ваня в следующем году школу заканчивает. Не поговорили с ним. Вдруг куда пошлют. А Лена с ним поедет?
- Ванька сюда, к нам вернется.
- Он тебе сказал?
- Сам. Как Максимов хочет по тайге шастать.
- Ну если Максимова попросит, тот поможет.
- Конечно, - Сирий опять вздохнул тяжело.
- Ты чего? - Спросила Наста.
- За Ваньку радуюсь, а за себя вот нет.
- Не выдумывай.
- А ты знаешь, о чем я думаю?
- Конечно знаю.
- Откуда?
- А тут и думать не надо. Ванька тебе дорогу перешел... Что молчишь?
- И правда что...
- Утомониться уже пора. Даст Бог, дедом скоро станешь, а все в лес смотришь.
- Так Маша у нас там, Митрофан, - Сирий придумал причину.
- Маша давно сама по себе. - Неожиданно, наверное и для себя, сказала Наста. - Нужны мы ей?
- Нужны конечно. Чего ты?
- Да, согласна. Съездить бы к ней. Поедешь? Что опять молчишь?
- Артель, - в который уже раз тяжело вздохнул Сирий.
- Вот, не в Маше дело. В лес ты хочешь, свобода тебе нужна.
- Как заново срок отбываю.
- Сам артель придумал, людей собрал. Теперь назад хода нет. Все на тебе держится.
- Боятся меня.
- И любят... по своему конечно. А сколько людей ты на ноги поставил, вторую жизнь дал.
- Не перечить.
- Опять почтальонша письма принесла. Откуда толко не пишут.
- Благодарят.
- А сына к Максиму и к работе этой чертовой не ревнуй.
- Да, я...
- Знаю, знаю...
- Ладно, - Сирий вроде как согласился. - Давай спать. Скоро уже вставать.

Наста опять засопела быстро. А Сирий? Кто его знает, спал ли он вообще в те короткие остатки ночи. Только на душе, после разговора с женой полегчало, причем заметно.

На следующий день Сирому было уже не до душевных терзаний. В артели вопросов, требующих немедленного решения, накопилось прилично. И конечно без начальника, Сирого

называли и так, вопросы эти никто решить не мог. Был конечно Дятел, но Дятел не хотел, да и не имел права решать. Такие правила установил сам Сирый.

Сначала в этот день надо было определиться с баней - стройка встала. Пришлось сразу идти на делянку, где ее рубили. Вопрос был простой, но важный. Основной сруб уже белел свежими бревнами, подведенными до уровня перекрытия.

- Ну, что тут у вас? - Строго спросил Сирый, придирчиво осмотрев строение.

- Нравится, начальник? - Первым делом спросил Костян, новоявленный бригадир строителей.

- Не баня, терем. - Похвалил Сирый. - Где научился?

- О-о-о! - Костян покачал головой. - Лучше не вспоминать.

- Твое дело, - Сирый обходил баню вокруг. Костян шел за ним. - Что встали?

- Тут вот какое дело. - Костян привычным жестом сдвинул шапку на лоб и почесал затылок. - Может два входа сделать?

- Зачем?

- Разделим баню и прачечную. Печки две. Зачем со шмотьём через моечное ходить, грязь таскать?

- Ну так делайте, если так удобнее. Чего ждете?

- Э-э-э, нет. Как без тебя? А вдруг... Дашь добро?

- Даю! - Сирый чуть не чертыхнулся и подумал: "Вот так во всем. А можно по другому? Вряд ли." - Подумайте, может между моечной и прачечной все равно дверь сделать? Пусть еще одна будет.

- Без тебя думать?

- Не бегать же с ведрами через улицу... Сами решайте. Как сделаете, так и будет.

Работа тут же закипела. Зашуршали пилы, застучали топоры.

Сирый уже хотел идти в лагерь и даже пошел, но остановился, а потом вернулся к месту, где к нему подошел Сыч. Елки с зарубкой здесь уже не было, спилили, и снег вокруг был истоптан в перемешку с опилками. Сирый прошел дальше и вышел за границы делянки. Следы Сыча и Вертухая все еще сохранились, были лишь присыпаны снегом. В последние дни здесь его почти не выпало.

Сирый обернулся на работяг, на него никто не обращал внимания, и пошел по следам. Следы Вертухая были более свежими и сначала изгнанник шел параллельно следам Сыча. Извилистая и узкая проплешина поднималась все выше, лес постепенно отступал. "Водораздел, - понял Сирый, - никогда здесь не бывал."

"Как хребет гигантского зверя, уснувшего здесь в давние времена, только каменный," - Такое сравнение пришло Сирому. Чем дальше он шел, и чем выше поднимался, тем снегу под ногами становилось все меньше. Следы местами пропадали. И вот в каком-то месте стало понятно, что Сыч пришел на делянку по правому от Сирого склону. А Вертухай, то ли сбился со следа, то ли еще по каким причинам ушел влево и начал спускаться. Ниже его следы отпечатались в снегу.

"Сыч пришел справа, - подумал Сирый. - Ну да, он шел в обход Юзино. И в том направлении дальше Юзьва. Скорее всего появился оттуда. А Вертухай? Почему он ушел влево? Там заброшенное Дюлино. Ну а потом? Ручей и заимка Маши и Митрофана!"

После такого открытия Сирому как-то стало нехорошо.

Заблудившийся изгнанник

Вертухай понял, что говорить с Сирым бесполезно и нужно уходить. Причем уходить надо было в чем есть. В лагерь его все равно больше не пустили бы. Наверное это была последняя разумная мысль, если мысли вообще могут быть неразумными, то есть не от разума.

Изгнанник почувствовал холод, руки сами застегнули бушлат на все пуговицы и завязали шнурки шапки. Так тепло сохранялось лучше. Рукавиц, теплых, меховых, не было, может выпали из-за голенищ сапогов. А может Вертухай и забыл их взять с собой. Так рукавицы и остались лежать на поваленном стволе дерева, где бывший бригадир присел отдохнуть.

Правую руку изгнанник засунул под бушлат, левую положил в карман. В кармане было сыро, в него попал снег и растаял. Мокрая рука все равно мерзла, правда меньше. Идти так было неудобно, ноги проваливались в снег, скользили на неровностях. Вертухай несколько раз падал, как куль, не успев вытащить руки.

Один раз, споткнувшись о камень, невидимый под снегом, упал вперед, уткнувшись лицом в снег. С трудом встал, и, не смахнув снег с лица, пошел дальше. Снег таял, стекал за шиворот холодными струйками, но это было уже неважно. Руки сами нашли более удобное положение, спрятались в рукава и грелись внутри одна о другую. След Сыча уходил вверх по гряде, и ноги сами старались держаться этих припорошенных ненадежных отметин.

В голове властвовали эмоции, злость захлестывала все другие. А другие, были ли они? Обида, конечно обида на всех, прежде всего на Сирого, впрочем как и злость. Кого еще можно было обвинять в беде, такой неожиданной, пришедшей из ниоткуда, разрушившей благополучную жизнь в лагере! Как ледяным порывом дунуло от Сирого, даже не ветром, ураганом! И все разом закончилось. Теперь надо было идти и идти... Только куда?

Гряда поднималась выше, лес остался внизу. Ветер, тоже холодный ветер, остудил разгоряченное лицо, стало немного легче. Вертухай остановился. Злость не пропала, только уменьшилась, притаилась в темном уголке души. Зато оттуда скользкой змеей вылезла обида и обвила растревоженное сердце. И вдруг эта обида, да пожалуй и злость обратились не на лагерь, и даже не на Сирого, а на Сыча! Он был виноват в пришедшей беде!

Такая резкая перемена, а может и новый порыв ветра, привели к тому, что левая нога дрогнула и поехала по каменной осыпи. Вертухай, кувыряясь, полетел вниз по откосу! Только снег остановил его и скрыл почти полностью. Лишь два сапога торчали из сугроба, не двигаясь.

- Запропал наш Сирко. - Дед Митрофан принес со двора охапку дров и положил у печки. - Звал его, звал, все бестолку. Каша в миске так и не тронута, замерзла. Что скажешь, внучка?

- Нет его, - прошептала Маша, глядя в окно, выходящее на снежное поле, и замерзшую речку за ним.

- Ты что такое говоришь! - Митрофан даже оторопел. - Как это нет?! Ну пропадал он по осени, вернулся же.

- Не вижу я его. - Маша не пошевелилась. В окно ли она смотрела, а может еще куда.

- Ну, - Митрофан аж выдохнул, - так бы и сказала. А то - нет его. Ты что думаешь, так все насквозь и видишь? Нет, неисповедимы пути земные и неземные... - Митрофан сделал паузу, но Маша не ответила. Тогда дед подложил в печку полешков и продолжил. - Пойдем-ка завтра, поищем. Да и по тайге давно не ходили. Я дома засиделся. Дойдем до сломанной елки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.